This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

5/aU 776. 38.2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго

Историческое изслѣдованіе

Виталія Шульгина.

Выпускъ 1.

Кіевъ.

Въ типографіи І. К. Вальнера.

1850.

Digitized by Google

(c)

SHUL'GIN

„ZHENSHCHINA V ROSSII„

Digitized by Google

О СОСТОЯНІИ
ЖЕНЩИНЪ ВЪ РОССІИ
ДО
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Виталія Шульгина.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИСТОР. ПРОФЕССУРЫ
№ 69551/80

КІЕВЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ І. ВАЛЬНЕРА.
1850.

Digitized by Google

Slav 776.382 (1)

3C
6769

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 1850 Генваря 18 дня.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
А. Ѳедотовъ-Чеховскій.

69551

Digitized by Google

И къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати булетъ.

(Быт. III, 16.)

Нѣсть мужескій полъ ни женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ.

(Посл. къ Галат. III, 28.)

Digitized by Google

Digitized by Google

При современномъ взглядѣ на исторію, какъ на вѣрное, полное и всестороннее возсозданіе минувшей дѣйствительности, внутренняя жизнь общества и человѣка обратила на себя главное вниманіе историковъ: ими открыто и подвергнуто изслѣдованію много такихъ важныхъ сторонъ народной жизни, о значеніи которыхъ прежде и недогадывались; поднято много такихъ вопросовъ, задавать которые почиталось дѣломъ празднаго любопытства, унижающаго и науку и того, кто ею занимается.

Digitized by Google

На многіе изъ этихъ вопросовъ указала историческій наукѣ сама современная дѣйствительность. Ибо какъ скоро исторія изъ хронологіи, сборника анекдотовъ и нравственныхъ сентенцій безъ духа и жизни, стала сама картиною дѣйствительности минувшей, она необходимо должна была прійти въ близкое соприкосновеніе съ дѣйствительностію современною: только живое сочувствуетъ живому, жизнь минувшая проливаетъ свѣтъ на настоящую и на оборотъ.

Въ числѣ вопросовъ, поднятыхъ въ исторіи животрепещущею дѣйствительностію не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ о женщинѣ, — ея семейномъ и общественномъ значеніи въ жизни человѣческихъ обществъ.

Вопросъ важный.

Онъ важенъ, — будемъ ли разсма-

Digitized by Google

тривать его какъ вопросъ о значеніи женщины въ жизни человѣчества вообще; онъ важенъ, — будемъ ли мы разсматривать его какъ вопросъ о значеніи женщины въ жизни общества, опредѣленнаго извѣстнымъ временемъ и мѣстностію.

Женщина, какъ бы ни была она унижена, всегда сохраняетъ власть свою надъ мущинами, — женщина, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ ея дѣятельности, всегда имѣетъ сильное вліяніе на общество. Эту власть, это вліяніе она почерпаетъ: во первыхъ – въ неистощимомъ источникѣ страстей мущины, во вторыхъ – въ воспитаніи молодаго поколѣнія, которое въ тотъ періодъ жизни, когда закладывается первая основа нравственнаго характера человѣка, всегда и вездѣ почти происходитъ если не подъ исключительнымъ, то подъ сильнымъ

Digitized by Google

вліяніемъ женщины-матери. Эти два обстоятельства даютъ женщинѣ огромное значеніе въ опредѣленіи характера и въ настроеніи духа цѣлыхъ генерацій, цѣлаго общества. Дѣйствуетъ же она на жизнь общества и человѣка своимъ особеннымъ образомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ ея женственной природѣ. Представительница нравственности, любви, стыдливости и непосредственнаго чувства, — женщина преимущественно господствуетъ въ семейной и свѣтской жизни, одухотворяя ее нравственностію, чувствомъ, любовью, скромностію, сообщая ей приличіе, грацію, красоту; тогда какъ мужчина, представитель закона, долга, чести и мысли, господствуетъ по преимуществу въ сферѣ гражданской дѣятельности, утверждаетъ въ обществѣ законъ, обязанность, честь и мысль, даетъ ей пол-

Digitized by Google

ноту, многообразіе, практическій характеръ. Женщина болѣе вѣруетъ, мущина мыслитъ; первая *сочувствуетъ* добру, истинѣ и красотѣ, послѣдній старается *познать* добро, истину и красоту; мужчина проявляетъ свою силу въ дѣйствіи, творчествѣ, женщина въ страданіи и воспріятіи. Только во взаимномъ союзѣ они образуютъ одного полнаго, совершеннаго человѣка. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ болѣе уравновѣшено въ немъ значеніе обоихъ половъ. Унижая женщину, мужчина этимъ только показывалъ свое собственное униженіе: онъ дѣлалъ ее рабою только тогда, когда самъ болѣе или менѣе былъ рабомъ. Но напрасно, опираясь на свою силу, онъ стремился отнять у женщины значеніе въ жизни общества и человѣка: вѣчный законъ, сила исторіи уничтожали усилія человѣка, стремивша-

Digitized by Google

гося нарушить вѣчный законъ, остановить силу времени.

Взгляните на жизнь восточныхъ народовъ: Востокъ унизилъ женщину до вещи, служащей къ удовлетворенію чувственности ея властелина — мужчины, — Востокъ закрылъ лице ея покрываломъ, заперъ ее въ гаремъ, окружилъ эвнухами; но она, существо безличное въ общественномъ мнѣніи и въ правѣ, — она въ дѣйствительной жизни изъ гарема являлась то Семирамидою, то Клеопатрою, то Роксаною, и располагала судьбою царствъ восточныхъ.

Перенеситесь въ Аѳины. Предъ вами блестящій вѣкъ Перикла: законъ заперъ женщину въ гинэкей; она по неволѣ являлась въ обществѣ гетерою; но въ будуарѣ Лаисы и Аспазіи вы встрѣчаете Сократа, Перикла и Алкивіада, Исократа и Никія, — всѣ тѣ зна-

Digitized by Google

менитости, которыми красна и свѣтла жизнь аѳинская периклова вѣка.

Въ Римѣ надъ женщинами тяготѣла вѣчная опека; а между тѣмъ благодарная, спасенная ими республика воздвигаетъ храмъ богинѣ женскаго счастія; а всемірная имперія своимъ нравственнымъ паденіемъ отчасти обязана сильному превратному вліянію Ливій, Агриппинъ и Мессалинъ на общество.

Между многими характеристическими чертами, отличающими общество въ новомъ Христіанскомъ мірѣ отъ общества древняго: восточнаго и классическаго, особенно замѣчателенъ перевѣсъ жизни домашней, семейной надъ публичною. Кому же мы обязаны этимъ преимуществомъ европейскаго общества? Если мы отвѣтимъ: рыцарству, — то въ нашемъ отвѣтѣ скрывается новый вопросъ: почему именно рыцарству?

Digitized by Google

потому, что оно такъ высоко поставило женщину, которую Св. Дѣва еще прежде освободила изъ-подъ деспотизма древняго мужа. Семейство есть царство женщины, — ея жизнь. Какъ мать-она воспитываетъ государству человѣка, изъ котораго мужчина дѣлаетъ гражданина. Благородный человѣкъ и великій писатель, обязанный своимъ воспитаніемъ матери, говоритъ: «мать моя думала, что къ какому бы состоянію не принадлежалъ ребенокъ, прежде всего надо сдѣлать человѣка, и когда изъ него вышелъ человѣкъ, т. е. существо съ разумомъ и чувствомъ, поставленное въ вѣрныя отношенія къ самому себѣ, къ другимъ и къ Богу,— тогда все равно, будетъ ли онъ работникомъ или принцемъ: онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ ему быть слѣдуетъ; дѣло матери тогда сдѣлано (Ламартинъ).» Но и внѣ

Digitized by Google

семьи, въ свѣтской жизни, утонченный взглядъ и нѣжное чувство женщины могутъ придать особенныя краски и оттѣнки картинѣ общежитія; и женщина,—это существо, созданное изъ воображенія и чувства, исполненное предвѣщаній, издревле говорившее устами Пиѳіи и Кассандры, будучи обоготворена рыцарствомъ, увлекла общество въ свой лучшій міръ и облагородила грубую жизнь германскихъ варваровъ. Когда начинаетъ отцвѣтать рыцарство и изученіе классической древности, въ эпоху возрожденія, становится главнымъ жизненнымъ интересомъ общества, мы видимъ женщинъ, которыя проповѣдуютъ, вмѣшиваются въ богословскія пренія, защищаютъ на диспутахъ ученые тезисы, женщинъ, которыя преподаютъ философію и юриспруденцію, привѣтствуютъ папъ на

Digitized by Google

латинскомъ языкѣ, сочиняютъ на греческомъ и обучаются еврейскому; монахини дѣлаются поэтами, свѣтскія дамы— богословами (1). Но вотъ предъ вами блистательный вѣкъ Людовика XIV:

---

(1) Вотъ рядъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ XV и XVI вѣковъ. Въ Италіи: Модеста-ди-Поццо-ди Цорци, поэтъ, и Кассандра Фидели, обѣ Венеціанки; послѣдняя сочиняла на греческомъ, латинскомъ и италіанскомъ языкахъ, занималась философіею и богословіемъ, вызывала ученыхъ на торжественные диспуты, въ Падуѣ публично читала лекціи; Изотта Ногаролла, Веронезка, ораторъ; Саррочіо, Неаполитанка, авторъ поэмы о Скандербергѣ; Викторія Колонна, маркиза пескерская, Римлянка, женщина ученая и поэтъ и мн. др.

Въ Испаніи: Изабелла де Розера, проповѣдывавшая въ большой барселонской церкви, обращавшая Евреевъ въ Христіанство и толковавшая блистательнымъ образомъ Іоанна Скотта въ присутствіи кардиналовъ и епископовъ; Изабелла де Кордова, докторъ богословія, латинской, греческой и еврейской словесности; Катерина Рибера, поэтъ духовный; Алоизія-Сигея толедская, сочинявшая на латинскомъ, еврейскомъ, арабскомъ и сирійскомъ языкахъ.

Во Франціи: герцогиня де Рецъ, удивившая своею ученостію польскихъ пословъ, пріѣхавшихъ съ предложеніемъ короны Генриху Анжу.

Въ Англіи: три сестры Сеймуръ, племянницы королевы и дочери протектора, извѣстныя своею ученостію, сочиняли стихи на латинскомъ языкѣ; Жанна Грей, которая читала предъ смертію о безсмертіи души Платона въ подлинникѣ; Марія Стуартъ, которая писала

Digitized by Google

дамы создаютъ салонную, придворную жизнь. Словомъ, всѣ великіе вопросы, волновавшіе общество въ разныя эпохи, не были чужды женщинамъ: очень часто онѣ давали тонъ и настроеніе цѣлому обществу, цѣлому вѣку. Вотъ что говоритъ Ф. Бастіа, по случаю участія дамъ въ недавно пробудившемся въ Англіи движеніи въ пользу свободной торговли:

«Читатель съ удивленіемъ увидитъ женщину, вмѣшивающуюся въ эти бурные споры. Кажется она теряетъ свою прелесть, впутываясь въ ученую схватку, обставленную словами: тарифъ, монополія, заработная плата, барышъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ повидимому ничего общаго между сухою диссертаціею

на шести языкахъ и между прочимъ на латинскомъ языкѣ рѣчь о томъ, что ученость также доступна женщинамъ какъ и мужчинамъ; дочь Т. Мора, ученая подобно отцу своему; Елисавета Тюдоръ, королева англійская.

Digitized by Google

и существомъ эѳирнымъ, одареннымъ природою поэтическою и преданною. Но если женщина робѣетъ при видѣ тяжелаго силлогизма, за то она одарена чрезвычайною проницательностію, помогающею ей въ каждомъ произшествіи отыскать сторону, которая симпатизируетъ съ ея сердцемъ. Она поняла, что лига есть дѣло справедливости и вознагражденія для классовъ страждущихъ; она поняла, что милостыня не есть исключительная форма благотворительности.

«И къ тому же роль, принятая англійскими дамами, не находится ли въ совершенномъ согласіи съ положеніемъ ихъ въ обществѣ? Кому, если не женщинѣ, принадлежитъ право раздавать похвалу и осужденіе, женщинѣ, одаренной вѣрнымъ тактомъ для оцѣнки нравственности цѣли, чистоты побужденій,

Digitized by Google

приличія форм? Въ старыя времена женщины увѣнчивали побѣдителей на турнирахъ: храбрость, ловкость, милосердіе распространялись отъ ихъ упоительныхъ рукоплесканій. Въ тѣ времена безпорядковъ и насилія, когда сила давила слабыхъ и малыхъ, весьма прилично было съ ихъ стороны поощрять благородныя наклонности въ рыцаряхъ. Не ужели-жъ теперь, потому что времена перемѣнились, призваніе женщины кончилось? Не ужели ей будетъ запрещено употреблять свое благодѣтельное вліяніе на новѣйшіе нравы, не ужели ей запрещено будетъ пораждать своимъ взглядомъ добродѣтели высшаго рода, требуемыя современнымъ нашимъ положеніемъ? Нѣтъ, этаго быть не можетъ. Нѣтъ ни одной ступени въ восходящемъ движеніи общества, на которой бы вліяніе женщины не могло

Digitized by Google

быть почувстовано. Преобразовывается ли и возвышается цивилизація общества, вліяніе женщины должно также преобразовываться и возвышаться, а не исчезать. Въ наши времена женщинамъ принадлежитъ право раздавать поощренія высокимъ дарованіямъ, гражданскому мужеству, политической честности, просвѣщенной благотворительности, раздавать тѣ поощренія, которыя нѣкогда онѣ сберегали для одной храбрости. Пусть кто хочетъ отыскиваетъ смѣшную сторону въ этомъ вмѣшательствѣ женщинъ въ новую жизнь нашего вѣка: я вижу въ этомъ одну сторону серьёзную и трогательную. О если бы женщина покрывала политическій позоръ тѣмъ презрѣніемъ, которое въ прежнія времена доставалось въ удѣлъ военной трусости! Если бы она для людей, измѣняющихъ истинѣ и

Digitized by Google

правосудію, сберегла тѣ ѣдкія насмѣшки, которыми преслѣдовала нѣкогда вѣроломныхъ рыцарей, покидавшихъ ристалище и цѣною чести покупавшихъ жизнь; о, безъ сомнѣнія, мы не увидали бы болѣе тѣхъ безнравственныхъ сценъ, которыя не рѣдко опечаливаютъ возвышенныя души» (2).

Не зависимо отъ этой общеисторической важности, вопросъ о состояніи женщины получаетъ еще особое значеніе въ русской исторіи.

Никто не будетъ отрицать, что изъ всѣхъ частей нашей исторіи менѣе другихъ разработана исторія русскаго человѣка въ его семейномъ, домашнемъ быту. Никто также не будетъ отрицать, что первоначальною главною сферою дѣятельности женщины всегда было семей-

(2) *Fred. Bastiat:* Cobden et la ligue, ou l'agitation anglaise pour la liberté du commerce. Paris. 1845 Préface.

Digitized by Google

ство: здѣсь она имѣла безспорно важное значеніе, здѣсь ея права и обязанности. И такъ вопросъ о правахъ и значеніи женщины пролагаетъ путь къ рѣшенію чрезвычайно важнаго и мало объясненнаго вопроса объ историческомъ развитіи семейной жизни русскаго народа.

Но нигдѣ можетъ быть семейство не играло такой роли, какъ въ обществѣ русскомъ. Западно-европейскій міръ возникъ изъ дружиннаго устройства германскихъ колѣнъ и развилъ до послѣднихъ результатовъ идею личности. Изъ славянской семьи возникла гражданская жизнь наша, подъ вліяніемъ родовыхъ отношеній развивался общественный бытъ нашъ въ теченіи шести вѣковъ, до Іоанна III. Стало быть вопросъ о женщинѣ, обращаясь въ вопросъ о семейной жизни, можетъ

Digitized by Google

отчасти уяснить характеръ и духъ русской жизни въ такъ называемый удѣльный періодъ, когда родовыми отношеніями опредѣлялись главнѣйшія явленія нашей исторіи.

Этаго мало: удачное объясненіе исторіи русской женщины можетъ способствовать къ опредѣленію степени вліянія на нашу жизнь Византіи и монгольскаго ига.

Наконецъ исторія женщины проливаетъ свѣтъ на характеръ и значеніе реформы Петровой въ ея началѣ и послѣдствіяхъ.

Чѣмъ важнѣе вопросъ, тѣмъ съ другой стороны труднѣе рѣшить его какъ слѣдуетъ: прослѣдить подробно во всѣ періоды семейное и общественное положеніе женщины, ея права, обязанности, значеніе въ семействѣ и обществѣ, ея вліяніе на современниковъ.

Digitized by Google

Трудность эта главнымъ образомъ заключается въ свойствѣ источниковъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о минувшей судьбѣ нашихъ предковъ. Эти источники, довольно обильные матеріалами для изображенія внѣшнихъ проявленій общественной жизни, даютъ очень скудныя и отрывочныя свѣдѣнія о семейномъ бытѣ русскаго человѣка, а въ этомъ-то бытѣ по преимуществу проявляется дѣятельность и значеніе женщины.

Много ли можно найти матеріаловъ для нашего предмета у лѣтописцевъ, которые описывали,

..... не мудрствуя лукаво,
. . . . . .
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.

Прибавьте къ этому особый взглядъ на женщину лѣтописца, который, при всемъ

Digitized by Google

уваженіи къ доброй женѣ-домохозяйкѣ, увѣренъ, что «паче женами бѣсовская волшвленія бываютъ; искони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ мнозѣхъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою и иными бѣсовскими бездми». Что скажетъ вамъ смиренный отшельникъ о предметѣ, вовсе для него чуждомъ, безъинтересномъ, заповѣдномъ? И потому кромѣ словъ: «въ лѣто N N оженися князь N N; или «въ лѣто N N вда князь N N дщерь свою за такого-то»; или еще: «оженися Ягайло въ землѣ лядской и поя себѣ королевицу, не имущу ни отца ни матери;»—кромѣ этихъ извѣстій, да можетъ быть двухъ трехъ рѣзкихъ случаевъ, изъ которыхъ можно сдѣлать кой-какіе выводы, вы въ нашихъ лѣтописяхъ о судьбѣ женщины ничего не найдете.

Digitized by Google

Съ конца XVI вѣка исторіографія наша оживляется записками въ родѣ западныхъ мемуаровъ. Здѣсь конечно можно найти гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ у лѣтописца; но къ сожалѣнію записки, съ одной стороны, начинаются слишкомъ поздо и не обнимаютъ самаго важнаго въ семейномъ отношеніи удѣльнаго періода, — съ другой, эти записки—слабая тѣнь мемуаровъ какого нибудь Фруассара, въ живомъ разсказѣ котораго такъ и оживаетъ предъ нами домашняя жизнь старыхъ дюковъ, сеньоровъ, рыцарей и бароновъ.

Много свѣта могла бы пролить на общественное и семейное значеніе женщины свѣтская литература, органъ, которымъ такъ ярко передаетъ народъ свою нравственную, эстетическую и умственную жизнь. Но развѣ была у насъ свѣтская литература до Петра,

Digitized by Google

если исключить Слово о полку Игоря, да можетъ быть еще Слово Даніила Заточника?

А народная поэзія, а наши пѣсни? Но къ сожалѣнію сознаніе важности этаго источника еще до сихъ поръ не произвело ничего, кромѣ великолѣпныхъ фразъ о значеніи пѣсень. Трудами Сахарова, Максимовича, Кирѣевскаго, Цертелева и др. собраны произведенія народной поэзіи — и только. Собрать мало, — надо ихъ распредѣлить по времени и мѣсту, указать смыслъ и значеніе каждой пѣсни. Безъ того народная поэзія — богатый, но не разработанный родникъ свѣдѣній о минувшей жизни русскаго человѣка вообще и женщины въ особенности, которымъ пользоваться должно съ большою осмотрительностію, повѣряя его извѣстіями другихъ памятниковъ (3).

(3) Тоже, что о пѣсняхъ и былинахъ, должно замѣтить

Digitized by Google

Съ начала XVI вѣка особенно умножаются записки иноземцевъ, или жившихъ у насъ постоянно, или посѣщавшихъ Россію временно. Никто не будетъ спорить, что источники, подобные запискамъ Герберштейна, Маржерета, Мейерберга, Таннера и др. чрезвычайно важны и драгоцѣнны для русской исторіи; но, съ другой стороны, почерпая изъ нихъ свѣдѣнія о семейной жизни, всего болѣе надобно быть осмотрительнымъ, чтобы не смѣшать фактъ, явленіе съ взглядомъ на него автора. Ужъ на какой авторитетъ безопаснѣе всего положиться, какъ не на авторитетъ Герберштейна, человѣка образованнаго, государственнаго, Славянина по рожденію, въ два посольства про-

---

и вообще о неписьменныхъ памятникахъ народной жизни, т. е. народныхъ обычаяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ, праздникахъ, играхъ, пословицахъ. Объ нихъ подробнѣе сказано ниже.

Digitized by Google

жившаго у насъ 16 мѣсяцевъ и пользовавшагося довѣренностію и нашего правительства и нашихъ бояръ? Но и тутъ, читая ту главу его записокъ, въ которой изображена семейная жизнь русскихъ, нельзя не убѣдиться, что иностранецъ, какъ бы онъ ни старался наблюдать и разгадывать частную жизнь чуждаго народа, никогда не будетъ ея вѣрнымъ оцѣнщикомъ: онъ схватитъ, можетъ быть, вѣрно наружныя черты обычаевъ; но внутренній бытъ народа, завѣтъ отцевъ, повѣрья останутся неуловимыми для пришлеца.

Остается источникъ безусловно важный и достовѣрный, это памятники русскаго законодательства; но изъ нихъ мы узнаемъ право, а не фактъ, что должно было быть, а не то, что было,— юридическое, а не дѣйствительное значеніе женщины.

Digitized by Google

Если къ исчисленнымъ памятникамъ прибавимъ еще житія святыхъ, которыя дадутъ намъ, хотя не многія, но за то вѣрныя и полныя жизни свѣдѣнія, то мы будемъ имѣть всѣ источники для исторіи русской женщины.

Чтобы воспроизвесть въ вѣрной и по возможности ясной картинѣ минувшую судьбу русской женщины, изслѣдователь долженъ во первыхъ прослѣдить дѣйствительное значеніе женщины, съ какимъ она является въ событіяхъ народной жизни, изображенныхъ лѣтописцами. Отъ этаго изображенія, служащаго фономъ его картинѣ, историкъ переходитъ къ опредѣленію значенія женщины въ семействѣ отца и мужа и въ самомъ обществѣ по опредѣленіямъ свѣтскаго и духовнаго права; наконецъ

Digitized by Google

даетъ колоритъ своей картинѣ, изображая, какое мѣсто занимала женщина въ общественномъ мнѣніи, органомъ котораго служитъ словесность писанная и народная. «Мысли и чувства народа, говоритъ поэтъ-Славянинъ, вполнѣ отражаются въ его твореніяхъ: его душа выражается въ нихъ такъ же точно, какъ въ лицѣ сына выражается лице отца, какъ въ улыбкѣ радость, во взглядѣ горе».

Изучая положеніе женщинъ въ Россіи отъ перваго появленія Славянъ въ исторіи до нашего времени, мы замѣчаемъ, что судьба женщины у насъ видоизмѣнялась три раза.

Въ языческомъ быту Славянъ и Руссовъ мы находимъ, что всѣ сферы жизни открыты женщинѣ, она пользуется свободою въ первобытномъ, еще не установившемся обществѣ.

Digitized by Google

Съ принятіемъ Христіанства изъ Византіи начинается мало-по малу разлученіе половъ: женщина постепенно исключается отъ мужескаго общества. Это исключеніе продолжается до Петра Великаго съ слѣдующими видоизмѣненіями:

a, въ до-Татарскій періодъ жизни русской оно еще не установилось въ строгомъ смыслѣ какъ обычай, но является подъ видомъ добровольнаго религіознаго уединенія женщины отъ соблазновъ и треволненій мірскихъ;

b, въ XIV, XV, XVI и XVII вѣкахъ: въ сѣверовосточной Россіи исключеніе женщины изъ общества обращается въ обычай, чуть замѣтно ослабѣвающій съ начала XVII вѣка; — въ югозападной Руси напротивъ это исключеніе вовсе не существуетъ. Наконецъ и въ сѣверовосточной Россіи

Digitized by Google

Петръ снова соединяетъ въ общежитіи оба пола, возвращаетъ женщинѣ ея мѣсто, права и значеніе въ обществѣ, ея свободу въ новыхъ формахъ, очищенныхъ, не похожихъ на прежнія, полудикія проявленія.

И такъ, постепенное исключеніе женщины отъ участія въ обществѣ, и потомъ постепенное пріобрѣтеніе права являться въ прежде заповѣдныхъ ей сферахъ общественной дѣятельности— вотъ главное явленіе въ исторіи русской женщины, отъ котораго зависѣли всѣ другіе частные оттѣнки и перемѣны въ судьбѣ ея.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА I.

СОСТОЯНІЕ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ.

I.

Въ не многихъ словахъ изображаетъ Несторъ древнѣйшій бытъ славяно-русскихъ колѣнъ:

«Жило каждое колѣно отдѣльно, на своемъ мѣстѣ, владѣя своими родами, имѣя свои обычаи, законы отцевъ, свои преданія, свои нравы (1). Тихъ и кротокъ былъ обычай Полянъ; они имѣли стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ отцамъ своимъ, и къ свекровямъ и къ деверямъ; были у нихъ и брачные обычаи: женихъ не ходилъ самъ за невѣстою; но ее приводили къ нему вечеромъ, а на другой день приносили то, что за нею дано (а завтра приношаху по ней что вдадуче).

Digitized by Google

Но Древляне жили по звѣрски: убивали другъ друга, ѣли все нечистое; не было у нихъ вовсе брака: они похищали (умыкали) дѣвицъ (уводы). И Радимичи и Вятичи и Сѣверяне имѣли тѣже обычаи: звѣрски жили они въ лѣсахъ и ѣли все нечистое. Предъ родителями и снохами сквернословили; браковъ у нихъ не было, а заводили разныя игры на мѣстахъ между селами и сходились сюда, плясали, забавлялись и тутъ каждый похищалъ (умыкаху) себѣ жену, съ которою прежде сговорился, а имѣли они и по двѣ и по три жены. А когда кто умиралъ, тогда творили тризну: слагали костеръ (кладу) и сожигали на немъ мертвеца; кости же его собирали въ небольшой сосудъ и ставили этотъ сосудъ на столпѣ при дорогѣ. Это и теперь дѣлаютъ еще Вятичи. Такіе же обычаи имѣли Кривичи и прочіе язычники, которые не зная закона Божія творятъ сами себѣ законъ». (²).

Вотъ у Нестора единственное мѣсто, изъ котораго мы узнаемъ о состояніи женщины у Славянъ русскихъ до пришествія Варяговъ. Сравнивая не многія слова его съ свидѣтельствами Козьмы о Чехахъ, Бонифація, св. Оттона и Гельмольда о Поморянахъ, Мартина Галла, Дитмара и Адама Бременскаго о Полякахъ; сравнивая ихъ съ дошедшими до насъ отрывками древнихъ юридическихъ памятниковъ о Болгарахъ и Моравахъ, нельзя не замѣтить обще-славянскаго типа въ характерѣ всѣхъ этихъ народовъ.

Digitized by Google

Прежде всего поражаетъ насъ сходство брачныхъ союзовъ у всѣхъ славянскихъ колѣнъ. Самыя подробныя свѣдѣнія о славянскихъ бракахъ передаетъ намъ старый Козьма Пражскій, изображая Чеховъ въ то время, когда они пришли въ Богемію подъ начальствомъ Чеха и его шести братьевъ:

«Счастливое было время тогда! говоритъ онъ: всѣ довольствовались малымъ, всѣ были равны; какъ свѣтъ солнечный, какъ влага водная—общимъ достояніемъ всѣхъ были и нивы и пажити и самыя жены. Бракъ длился не болѣе одной ночи; на утро разрывали желѣзныя цѣпи любви. Каждому тогда можно было имѣть по двѣ и по три жены; позволялось мужу брать чужую жену, женѣ выходить за чужаго мужа. Тогда не то, что теперь: нынѣ почитаютъ скромнымъ, а тогда почитали безславнымъ того мужа, который довольствовался одною женою и ту жену, которая имѣла одного мужа. Ибо жили тогда подобно дикимъ звѣрямъ, имѣя общіе браки,» (3) прибавляетъ въ негодованіи монахъ Козьма въ одинъ голосъ съ нашимъ Несторомъ: «живяху якоже великій звѣрь.»

«О вы, которые до сихъ поръ были не христіане, но язычники! говоритъ св. Оттонъ, обращаясь къ Поморянамъ, вы не знали таинства брака, ибо не сохраняли вѣрности одной супругѣ, но имѣли по произволу многихъ женъ. Теперь же этого не будетъ: каждый изъ васъ долженъ довольствоваться одною женою» (4).

Digitized by Google

«Можно ли намъ имѣть по прежнему по двѣ жены въ одно время?» спрашиваютъ Болгары папу Бенедикта III, въ 866 году (5).

Преданіе о многоженствѣ Лешка VII, отца Попелова (6), извѣстіе лѣтописца о семи женахъ Мечислва I, короля польскаго (7),—показываютъ, что и польскіе Славяне не отступали въ формѣ брачнаго союза отъ своихъ прочихъ родичей.

Если мы поставимъ въ параллель съ приведенными мѣстами изъ лѣтописцевъ частыя жалобы русскаго, чешскаго, польскаго духовенства на произвольные, часто повторявшіеся въ простонародьи, уже послѣ введенія Христіанства, роспуски и поиманія, жалобы, которыя повторяются на Руси даже до конца XVI вѣка; то можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ о постепенно развивавшихся формахъ брачнаго союза у Славянъ:

Древнѣйшею формою брачнаго союза, которую, смотря съ нашей точки зрѣнія, можно пожалуй назвать отсутствіемъ брака, было общеніе женъ (connubia communia, брака у нихъ не бываше), при которомъ можно было, по словамъ пѣсни: «въ чистомъ полѣ женитися, вкругъ ракитова куста вѣнчатися» и которое соединено было съ религіозными празднествами. Впослѣдствіи, когда именно опредѣлить нельзя, но вѣроятно не у всѣхъ славянскихъ колѣнъ и народовъ одновременно, развились двѣ другія формы брака: многоженство и послѣдовательно смѣнявшіяся, временныя супружества; первое было господствующимъ у родовъ владѣ-

Digitized by Google

тоянныхъ, — вторыя въ простомъ народѣ, не имѣвшемъ матеріальныхъ средствъ содержать нѣсколько женъ. Одни Поляне представляютъ по видимому странное исключеніе: окруженные со всѣхъ сторонъ родичами, у которыхъ видимъ или грубое общеніе женъ, или многоженство, они отличаются отъ нихъ и образомъ заключенія брачнаго союза и мягкостію семейныхъ отношеній.

Для объясненія этаго страннаго уклоненія Полянъ отъ общаго характера славянскихъ колѣнъ, должно принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства. 1, Гораздо раньше, чѣмъ другіе Славяне русскіе, Поляне начали входить въ сношеніе съ Греками, гораздо раньше христіанство стало проникать къ Полянамъ: въ землѣ Полянъ былъ Кіевъ, столъ христіанъ Аскольда и Дира, гдѣ при Игорѣ находилась уже церковь св. Иліи и христіане Игоревой дружины клятвою подтверждали договоръ съ Греками, гдѣ доживала послѣдніе дни свои христіанка Ольга, окруженная христіанскимъ духовенствомъ и чуть-ли не въ христіанскихъ правилахъ воспитавшая своихъ внуковъ: Ярослава и Олега, гдѣ наконецъ впервые христіанство сдѣлалось религіею господствующею. Очень естественно предположить, что раньше проникнувъ и раньше утвердившись между Полянами, христіанская вѣра могла раньше преобразовать ихъ семейную жизнь. 2, Не должно съ другой стороны упускать изъ виду невольнаго пристрастія монаха Нестора къ любимому имъ племени, въ которомъ

Digitized by Google

онъ видѣлъ процвѣтаніе Христіанства въ самыхъ чистыхъ формахъ, сравнительно съ другими племенами, позднѣе обращенными и удаленными отъ центра русской жизни. Эта привязанность къ набожности современниковъ могла очень легко заставить Нестора смотрѣть снисходительнѣе на ихъ предковъ, или еще вѣрнѣе, вносить свой личный взглядъ въ ихъ минувшую жизнь. Наконецъ 3, самыя слова Нестора отнюдь не даютъ намъ права заключать о моногаміи Полянъ. Въ этихъ словахъ лѣтописецъ во первыхъ отличаетъ только образъ веденія женъ у Полянъ отъ образа умычки или похищенія у другихъ колѣнъ славянскихъ; во вторыхъ говоритъ, что у Полянъ были браки (брачные обычаи имѣяху); а у Древлянъ, Радимичей, Сѣверянъ, Вятичей и Кривичей браковъ вовсе не было (брака у нихъ не бываше), или какъ выразился его современникъ Козьма о Чехахъ: «connubia erant iis communia» (8). Намъ даже кажется, что въ словахъ, которыми отличаетъ Несторъ стыдѣніе Полянъ къ сестрамъ, снохамъ, матерямъ и къ свекровямъ отъ срамословія Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ предъ отцами и снохами, онъ намекаетъ на непрочность, отсутствіе всякой правильности и несоблюденіе степеней родства въ соединеніи половъ—эти отличительныя черты общенія женъ (9).

Норманскіе володѣтели и ихъ дружинники, многоженцы у себя на родинѣ, удержали туже форму брачнаго союза и при сліяніи ихъ съ Сла-

Digitized by Google

вшими въ одинъ народъ русскій. Кромѣ женъ, которыхъ число было ограничено, они содержали наложницъ. «Въ каждомъ домѣ, говоритъ Ибнъ-Фоцланъ о Руссахъ, видѣнныхъ имъ на Волгѣ, «живутъ человѣкъ по десять и по двадцать. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою кровать, на которой сидитъ съ своими дѣвушками и красавицами... Они предаются наслажденію въ присутствіи постороннихъ (10)... Въ дворцѣ царя Руссовъ живутъ 400 храбрѣйшихъ и преданнѣйшихъ мужей, которые вмѣстѣ съ нимъ и за него умереть готовы. Каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему прислуживаетъ, моетъ голову, готовитъ пищу и питье, и сверхъ того другую, которая служитъ ему наложницею. Эти 400 мужей сидятъ у подножія царскаго трона, украшеннаго драгоцѣнностями. На тронѣ (диванѣ) вмѣстѣ съ царемъ сидятъ 40 его наложницъ, которыхъ онъ не стыдится ласкать въ присутствіи своей дружины» (11). Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ одеждѣ Руссовъ, Ибнъ-Фоцланъ отличаетъ явно женъ отъ наложницъ, называя ихъ разными именами (12).

Если не примѣръ Ярослава, котораго связь съ Малушею можно назвать конкубинатомъ, то примѣръ Ярополка, который отъ живой жены Грекини сватался на Рогнѣдѣ, и далѣе примѣръ Владиміра язычника, у котораго кромѣ 800 наложницъ было 5 женъ водимыхъ, вполнѣ подтверждаютъ сказаніе Араба—очевидца и ясно доказываютъ,

Digitized by Google

что если не у простаго народа, то у князей многоженство допускалось.

Питая отвращеніе къ обрядамъ поганыхъ, которые, незная закона Божія, сами творятъ для себя законъ, Несторъ очень мало и неохотно говоритъ о языческомъ бытѣ нашихъ предковъ: только темныя и неясныя преданія глухо отзываются въ его расказѣ. Гораздо подробнѣе и живѣе черты древней семейной жизни сохранились въ теперешнихъ свадебныхъ обрядахъ простаго народа. Впрочемъ реставрировать старину на основаніи однихъ этихъ обрядовъ, не повѣряя ихъ сказаніями лѣтописцевъ своихъ и чужихъ, мы считаемъ попыткою очень смѣлою, которая едва ли дастъ вѣрные результаты. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ эти обряды, какъ бы ни былъ глубокъ застой народной жизни, все-таки должны были подвергаться сильнымъ измѣненіямъ отъ однихъ внѣшнихъ вліяній, не говоря уже о важномъ переворотѣ, произведенномъ христіанствомъ въ семейномъ быту, съ которымъ они тѣснѣе всего связаны и котораго они служатъ символами. Можетъ быть ни одно славянское племя не сосѣдило съ столь разнохарактерными народами и не подвергалось вліянію столькихъ народностей, какъ племя Славянъ русскихъ: и Обры, и Финны, и Литва, и Хазары, и Половцы, и Печенѣги сосѣдили съ нимъ; оно принимало въ себя элементы и германскій, и византійскій, и половецкій, и монгольскій. Крѣпокъ долженъ быть характеръ племени, чтобы усто-

Digitized by Google

ять и сохранить, при такихъ историческихъ и географическихъ вліяніяхъ, въ первобытной чистотѣ древнія, исконныя черты свои, а между тѣмъ еще Тацитъ замѣтилъ, что Винеты не были стойки въ своемъ родномъ.—Если же современные обряды эти составились не въ одно время и подвергались сильнымъ измѣненіямъ, то мы не иначе можемъ возстановлять по нимъ древнѣйшій бытъ, какъ опредѣливъ хронологически ихъ послѣдовательную древность. Но это трудъ совершенно невозможный, при дѣйствительномъ состояніи исторической науки и, по недостатку памятниковъ, едва ли возможный даже въ будущемъ. Такимъ образомъ 1, мы можемъ пользоваться только обрядами, поясняющими и подтверждающими извѣстія древнихъ памятниковъ, историческая подлинность которыхъ болѣе или менѣе доказана;—2, изъ этихъ обрядовъ и пѣсень мы можемъ объяснять духъ, характеръ древней народной жизни, но брать изъ нихъ обычаи, какъ положительные факты и данныя, безусловнаго права не имѣемъ; наконецъ 3, мы согласны тѣ современные обычаи признать за стародавніе, которымъ покрайней мѣрѣ не противорѣчатъ памятники положительно древніе, хотя объ нихъ и не упоминаютъ.

Несторъ въ своемъ сказаніи о брачныхъ обычаяхъ различаетъ два образа заключенія браковъ: образъ *веденія* женъ, или привода невѣсты къ жениху у Полянъ, и *умычку* женъ на бѣсовскихъ игрищахъ, или похищеніе дѣвушекъ, происходи-

Digitized by Google

вшее во время какихъ-то языческихъ празднествъ у прочихъ колѣнъ славянскихъ (13). Уже одно относительное несовершенство этихъ способовъ заключенія брачнаго союза можетъ a priori убѣдить насъ въ томъ, что умычка гораздо древнѣе веденія женъ. Самъ Несторъ, называя веденіе женъ бракомъ, а умычку отсутствіемъ брачныхъ обычаевъ, и не упоминая объ умычкѣ въ дальнѣйшихъ расказахъ, а вездѣ, при заключеніи браковъ употребляя терминъ *вести жену*, тѣмъ самимъ указываетъ на относительную древность этихъ формъ.

Независимо отъ этаго, разсмотрите всѣ древнѣйшіе памятники суда церковнаго, и увидите въ нихъ умычку въ числѣ главнѣйшихъ языческихъ обычаевъ, которые старалась искоренить христіанская церковь; прочитайте дошедшія до насъ посланія митрополитовъ Іоанна, Фотія, Симона, Макарія и игумена Элеазарова монастыря противъ остатковъ поганства въ народѣ, и вы убѣдитесь, какъ трудно было духовенству, даже въ XVI вѣкѣ, истребить этотъ укорененный вѣками, обще-народный обычай дѣвохищенія, который всегда является въ соединеніи съ остатками языческихъ празднествъ, и которымъ Снѣгиревъ объясняетъ до нынѣ сохранившееся выраженіе *играть свадьбу* (14). Его мы встрѣчаемъ и въ XVII вѣкѣ: Бопланъ описываетъ похищеніе дѣвушекъ, какъ одинъ изъ брачныхъ обычаевъ, господствовавшихъ на Украйнѣ еще въ его время (15). Наконецъ еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ

Digitized by Google

Витебской губерніи (земли древнихъ Кривичей), а именно: въ Люцинскомъ, Динабургскомъ и Рѣжицкомъ, такое похищеніе было въ употребленіи между раскольниками. Оно совершалось во время масляницы на кирмашахъ, или народныхъ сходкахъ и играхъ. Здѣсь молодой парень, условившись съ дѣвушкою (съ нею же кто съвѣщашеся), уходилъ съ нею съ кирмаша, сажалъ ее на сани и отправлялся въ лѣсъ, объѣзжалъ тамъ три раза около завѣтнаго дуба, или священнаго озера (въ Люцинскомъ уѣздѣ), и тѣмъ оканчивалось совершеніе брака. Мужъ жилъ съ похищенною неопредѣленное время и могъ въ одинъ годъ жениться нѣсколько разъ ([16]).

Живые отголоски похищенія невѣстъ сохранились въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ: они подтверждаютъ и объясняютъ слова лѣтописца. Вотъ напримѣръ хороводная пѣсня, которая поется въ Семикъ и въ которой нельзя не замѣтить слѣдовъ Несторовой умычки и съвѣщанія:

Стояло тутъ косово дерево
Лели, лели, лели!
Въ томъ деревцѣ тыночекъ стоитъ,
Лели, лели, лели!
Въ томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Лели, лели, лели!
Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
Лели, лели, лели!

Digitized by Google

Мимо тутъ ѣхалъ удалъ молодецъ;
Лели, лели, лели!
Снявши шапочку, онъ дѣвкѣ челомъ,
Лели, лели, лели!
Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
Лели, лели, лели!
Дѣвка ему поклонилась,
Лели, лели, лели!
Красна ему руку подала.
Лели, лели, лели!
Взявши съ тыночка, за руку повелъ,
Лели, лели, лели!
За руку повелъ подъ златъ вѣнецъ.
Лели, лели, лели! (17).

Совершенно въ томъ же духѣ расказываетъ былина о бракѣ Добрыни съ Мариною:

Они въ чистомъ полѣ женилися,
Вкругъ ракитова куста вѣнчалися (18).

Въ Олонецкой губерніи, по совершеніи вѣнчанія, провожаютъ новобрачную къ жениху. Невѣсту моютъ, иногда бѣлятъ и румянятъ, за тѣмъ передѣваютъ ее въ платье молодицы и выводятъ съ покрытою фатою. Сватъ, ударивъ три раза накрестъ по столу новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ: какова-то наша добыча? и концемъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ: молода и хороша! (19). Не

Digitized by Google

упоминая о множествѣ другихъ пѣсень и обрядовъ, въ которыхъ чуется тотъ же отголосокъ Несторовыхъ словъ объ умычкѣ, мы можемъ видѣть слѣды ея въ тѣхъ символическихъ обрядахъ, въ которыхъ родные невѣсты словно защищаютъ свой домъ отъ вторженія родныхъ, сватовъ и поѣзжанъ жениха. Обряды эти употребляются или предъ поѣздомъ въ церковь, или предъ веденіемъ молодыхъ въ опочивальню (20).

Но не у однихъ русскихъ Славянъ похищеніе невѣстъ существовало въ древности, не въ одномъ нашемъ простонародьи сохранились слѣды его и донынѣ. Козьма пражскій передаетъ намъ легенду о войнѣ чешскихъ дѣвушекъ съ мужчинами: война эта оканчивается празднествомъ (бѣсовскимъ игрищемъ), на которомъ мужчины похищаютъ дѣвушекъ (21). У того же Козьмы находимъ расказъ о похищеніи въ 1021 году княземъ чешскимъ, удалымъ красавцемъ Брячиславомъ Юдиѳи, дочери нѣмецкаго герцога Оттона, и этотъ расказъ очень хорошо характеризуетъ борьбу первобытнаго дикаго обычая съ христіанскимъ. «Отдали, говоритъ хронистъ, ее родители въ монастырь за крѣпкія стѣны. Но какія башни, какъ бы высоки они ни были, или какія стѣны, какъ бы они крѣпки ни были, устоятъ противъ любви? Omnia vincit amor; rex et dux cedit amori.» Это слова рыцарскаго вѣка; но читайте далѣе. «Сталъ Брячиславъ думу про себя думать: похитить ли силою Юдиѳь, или сдѣлать ее своею женою по-

Digitized by Google

средствомъ брачнаго подарка (an dotalibus connubia paret)? Онъ рѣшился наконецъ поступить лучше какъ слѣдуетъ мужу, чѣмъ униженно вымаливать просьбами,—и похитилъ Юдиѳь (22).»

Въ Болгаріи и Сербіи, по словамъ Караджича, и теперь молодежь охотно идетъ на похищеніе невѣстъ, которыя по этому называются отмицами. «Гайде море, да ти отмемо дѣвойку!» восклицаютъ отмичари—юнаки, собираясь на дѣвохищеніе, вооружаются какъ въ походъ, подкарауливаютъ дѣвойку около гумна или фонтана и тутъ умыкаютъ черну косу. Иногда отмичари нападаютъ на домъ дѣвойки, завязываютъ настоящій бой, на выстрѣлы сбѣгается все село съ ружьями, пистолетами и кинжалами. Не мало стыда отмичарямъ, если они возвращаются безъ дѣвойки, и потому всѣ скорѣе готовы сложить головы, нежели упустить ее изъ рукъ. Похищенную уводятъ сперва въ лѣсъ, куда приводятъ и священника, который обручаетъ жениха и невѣсту и потомъ уже вводятъ обрученную въ домъ жениха. Иногда цѣлое село, изъ котораго похищена дѣвойка, идетъ за нею въ погоню, на встрѣчу ему выходятъ жители того села, гдѣ живетъ похититель. Начинаются переговоры, которые оканчиваются часто свадьбою, а часто подаютъ поводъ къ тяжбѣ. Если окажется, что дѣвойка похищена насильно, то похититель плотитъ глобу (пеню); если же она объявитъ: «ни е сила, веть драга воля; я иду за нимъ и гору и у воду,» тогда судья принуждаетъ

Digitized by Google

родителей примириться съ похитителемъ и дѣло оканчивается свадьбою. Вообще дѣвохищеніе между задунайскими Славянами всегда было въ обычаѣ, женитьба бывала у нихъ часто обрызгана кровью и составляетъ любимый сюжетъ народныхъ юнацкихъ пѣсень, изъ которыхъ многія носятъ характеръ глубокой древности (23). Въ Черногоріи дѣвохищеніе также сохранилось до нынѣ (24).

Все это убѣждаетъ насъ, что умычка была первымъ общеславянскимъ способомъ заключенія браковъ. Самъ по себѣ въ высшей степени грубый и несовершенный бракъ посредствомъ умычки былъ, быть можетъ, естественнымъ переходнымъ шагомъ отъ общенія женъ, совершавшагося въ видѣ вакханалій на религіозныхъ языческихъ празднествахъ, къ нѣсколько опредѣленному браку.

Болѣе совершенный обычай веденія женъ мы встрѣчаемъ только у Полянъ, колѣна особенно любимаго Несторомъ, который и на прошлую жизнь его смотритъ глазами своего времени и потому въ глубокой древности видитъ у него образъ бракосочетанія, который могъ перейти изъ Греціи вмѣстѣ съ водвореніемъ христіанства (25). Но это веденіе женъ, перейдя, въ слѣдствіе особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ къ Полянамъ раньше, чѣмъ къ прочимъ славянскимъ колѣнамъ, сначала было образомъ совершенія браковъ у князей, бояръ и дружинниковъ, а потомъ сдѣлалось господствующимъ вездѣ и вытѣснило древнѣйшій бракъ посредствомъ похищенія. Впрочемъ умычка,

Digitized by Google

какъ коренной общеславянскій обычай, долго еще хранилась въ нравахъ народа, сначала какъ дѣйствительность, какъ фактъ, а потомъ какъ обрядъ, форма безъ дѣйствительнаго содержанія. Въ такомъ видѣ онъ сохранился и до нынѣ. Замѣчательно, что, хотя въ основаніи нашихъ теперешнихъ свадебныхъ обрядовъ преобладаетъ обычай веденія женъ; но обстановки свадебныхъ поѣздовъ все еще напоминаютъ умычку.

Въ изслѣдованіи о значеніи женщины безусловно важенъ вопросъ о томъ, заключается ли брачный союзъ посредствомъ торга т. е. продажи невѣсты отцемъ и покупки ея женихомъ, или же напротивъ посредствомъ приданнаго, даваемаго отцемъ за дочерью, при переходѣ ея въ семейство мужа? Продажа и покупка жены уничтожаетъ личность женщины, обращая ее въ предметъ торга, въ простую вещь; приданное напротивъ возвышаетъ женщину: оно даетъ ей, какъ лицу, право владѣть вещью, становится личностію женщины, выраженною во внѣшнемъ мірѣ (26).

Могла ли существовать покупка и приданное при похищеніи женщинъ? Отвѣтъ на это очевиденъ: и покупка и приданное предполагаютъ во всякомъ случаѣ договоръ жениха съ родителями и родственниками невѣсты; а похищеніе, какъ дѣйствіе насилія, пока оно было не простымъ обрядомъ, а дѣйствительностію, обычаемъ, исключаетъ всякій договоръ съ тѣми, подъ надзоромъ, или подъ властію которыхъ была дѣвушка. Но

Digitized by Google

съ другой стороны, если, при обычаѣ умычки, родители были лицами пассивными, то имѣло ли похищеніе характеръ насилія, наносимаго отъ похитителя похищаемой, или происходило добровольно съ ея согласія? — На этотъ вопросъ даетъ намъ лѣтописецъ ясный отвѣтъ: умыкаху жены себѣ *съ нею же кто съвѣщашеся* (27). Въ этихъ словахъ Нестора довольно положительно высказывается взаимное соглашеніе умыкателя съ умыкаемою. Карамзинъ очень вѣрно объясняетъ изъ нихъ слово: свадьба (совѣщаніе).

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ: существовала ли на Руси покупка невѣстъ, когда бракъ совершался въ формѣ веденія женъ, или это веденіе сопровождалось приданнымъ?

Слова Нестора: «не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху, что по неи вдадуче» — казались нашимъ изслѣдователямъ неясными и потому они старались дополнить и объяснить ихъ слѣдующими мѣстами изъ того же лѣтописца: 1) Владиміръ (женясь на Аннѣ) «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь царицы дѣля;» 2) Казиміръ (женясь на сестрѣ Ярослава) «вдасть за вѣно людіе 800» (28). Сличая эти три мѣста изъ лѣтописца, Карамзинъ, Рейцъ, Краних-фельдъ, Погодинъ пришли къ слѣдующему заключенію: у Славянъ при бракосочетаніи женихъ платилъ отцу невѣсты за нее выкупъ, эта плата называлась вѣномъ и приносилась къ молодому на другой день свадьбы. Намъ кажется, что если

Digitized by Google

бы и существовала у Славянъ купля невѣстъ, то доказывать это вышеприведенными мѣстами изъ Нестора нельзя. Лѣтописецъ ясно говоритъ, что у Полянъ на канунѣ брака приводили къ жениху невѣсту, а на другой день приносили по ней что вдадуче. Очевидно—это приданное, приносимое отъ отца къ жениху. На какомъ же основаніи мы будемъ заключать, чтобы невѣсту приводили къ жениху, а то, что по ней вдадуче приносили къ родителямъ невѣсты, тогда какъ изъ приведенныхъ словъ ясно видно, что какъ приводъ, такъ и принесеніе относится къ дому жениха, который не хожаше самъ по невѣсту? Между тѣмъ такое именно заключеніе дѣлаетъ Краницфельдъ, говоря, что брачный союзъ у болѣе образованныхъ племенъ заключался подъ видомъ торга, или купли, предметомъ которой дѣлалась жена (29).

Такимъ образомъ, если мы будемъ прямо держаться словъ Нестора, то увидимъ у Полянъ приданное, у прочихъ колѣнъ взаимное условіе жениха и невѣсты; и то и другое прямо несовмѣстны съ продажею дочери отцемъ. Чтоже такое было *вѣно?* Въ юридическихъ памятникахъ чешскихъ вѣномъ вообще называется приданное, собственность жены, слагающаяся изъ того, что обыкновенно называется приданнымъ, т. е. изъ подарковъ отца (dos) и изъ подарковъ, записываемыхъ мужемъ, при вступленіи въ бракъ, на имя жены dotalitium (30). Точнѣйшее опредѣленіе вѣна находимъ въ статутахъ мазовецкихъ, гдѣ придан-

Digitized by Google

ное, даваемое родителями невѣсты, обозначается словомъ posag (dos), а подарки жениха невѣстѣ словомъ wiano (dotalitium) ([31]). Итакъ подъ именемъ вѣна должно разумѣть совсѣмъ не плату, даваемую женихомъ отцу невѣсты; но достояніе, предлагаемое имъ въ обезпеченіе будущей жены своей. Въ такомъ смыслѣ Ингигерда, дочь шведскаго короля Олафа Скаутконунга, выходя замужъ за Ярослава, требовала, чтобы ей за вѣно предоставленъ былъ городъ Альдейгаборгъ ([32]). Въ такомъ смыслѣ вѣроятно Ольга получила отъ Игоря Вышгородъ ([33]), Малуша отъ Святослава с. Будишино, Рогнѣда отъ Владиміра с. Предславино. Вѣно въ бракѣ имѣетъ значеніе не менѣе приданнаго. Приданное показываетъ, что женщина переходитъ изъ дома отца въ домъ мужа какъ лице самостоятельное, имѣющее собственность, а посредствомъ вѣна личность и самостоятельность ея признаются и обезпечиваются мужемъ отъ всякаго съ его стороны нарушенія. Само собою разумѣется, что такая идея о вѣнѣ и приданномъ не могла образоваться въ постоянный законъ у Славянъ язычниковъ: она выработана христіанствомъ, при вліяніи каноническаго права, изъ обычаевъ, въ которыхъ таилась безсознательно.

Приданное и вѣно отличаютъ бракъ славянскій отъ брака по праву скандинавскому, въ которомъ mundr, или плата за жену была необходима для дѣйствительности брака, и въ которомъ съ мелочною подробностію опредѣлена даже цѣна

Digitized by Google

женщины: самая низшая въ одну марку; дѣти, родившіеся отъ матери, за которую заплачено менѣе одной марки, не имѣли права наслѣдства (34). Такія понятія о бракѣ могли перейти отчасти и къ намъ съ Норманами; ими можно объяснить и вѣно, заплаченное Владиміромъ, и вѣно, принятое Ярославомъ (35). Впрочемъ гораздо вѣроятнѣе кажется приписать возвращеніе Грекамъ Корсуня Владиміромъ и возвращеніе Ярославу 800 плѣнныхъ Казиміромъ—дружелюбному расположенію государей,—назвать это дѣйствіе просто дареніемъ, которое Владиміръ и Ярославъ могли дѣлать и не дѣлать, ни чуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ. Если и предположить, что греческое духовенство изъ политическихъ видовъ позволило первородному сыну, основателю русской Церкви, совершить языческій обрядъ и обратить въ предметъ торга бракъ, который «есть мужеви и женѣ сочетаніе и сбытіе во всей жизни, божественныя и человѣческія правды общеніе;» если и предположить, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ императоры Василій и Константинъ являются продавцами своей сестры и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру какъ язычникъ, но Казиміръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ съ своей сто-

Digitized by Google

рены помогалъ ему усмирять мятежи въ Мазовіи. Обѣ эти обстоятельства, если и были условіями брачнаго договора, то ни чуть не положительными требованіями обычая. Такимъ образомъ смѣемъ думать, что торга невѣстами въ языческомъ быту Славянъ словами Нестора доказать нельзя: въ нихъ болѣе намека на приданное, чѣмъ на продажу дѣвушекъ.

Но, съ другой стороны, слишкомъ ясные слѣды покупки видны въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ простонародья: мы видимъ въ нихъ, что браки совершаются со всѣми формальностями купли и продажи; покупщиками являются родственники жениха, или онъ самъ, продавцами невѣсты ея родители или родственники; видимъ, что невѣста постоянно называется товаромъ, женихъ—купцемъ (36); невѣсты прежде заключенія брачнаго договора подвергаются смотринамъ, а женихи глядинамъ (37), при чемъ родители или сваты играютъ роль настоящихъ оцѣнщиковъ; далѣе видимъ рукобитье, обрученье, при чемъ отецъ обвертываетъ свою руку бѣлою ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который также принимаетъ ее рукою, обвернутою въ ширинку (38); наконецъ еще яснѣе слѣды покупки открываемъ въ обрядахъ выкупа невѣстиной постели, выкупа мѣста подлѣ невѣсты у ея брата или родственника, выкупа и продаванья дѣвичьей косы (39).

Изъ этихъ обычаевъ можно бы выводить слѣдующіе результаты: 1, покупка невѣстъ у Славянъ

замѣнила весьма рано хищническіе поѣзды для похищенія ихъ; 2, дочь является совершенно пассивнымъ лицемъ при этомъ торгѣ (40). Но имѣемъ ли мы право дѣлать такіе выводы на основаніи однихъ свадебныхъ пѣсень и обрядовъ? Наши свадебныя пѣсни и обряды представляютъ такой аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обычаевъ, что не только покупку невѣстъ, но и какой угодно обычай можемъ мы подтвердить ими, если только забудемъ, что эти обычаи и обряды (современнаго простонародья) нужно сперва разобрать на группы и потомъ уже пользоваться ими для историческихъ изслѣдованій. Раздѣляя вполнѣ эту мысль съ Кавелинымъ, который такъ вѣрно высказалъ ее въ своей критикѣ на «Бытъ русскаго народа,» и неимѣя пока никакой возможности сдѣлать этнографическую и хронологическую классификацію до нынѣ уцѣлѣвшихъ обычаевъ, мы не можемъ однакожъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ отрицать положительныя указанія лѣтописи и въ доказательство существованія покупки невѣстъ у Славянъ приводить свадебные обряды пермской, енисейской, саратовской губерній, гдѣ въ древности едва ли были Славяне (41), а потомъ, если и были, то исказились примѣсью разнородныхъ финскихъ и татарскихъ племенъ. Мы не имѣемъ на это права уже потому, что самые свадебные обряды и пѣсни не безусловно говорятъ о славянизмѣ торга невѣстами. Такъ 1, въ свадебномъ обрядѣ Нерехты,

Digitized by Google

гдѣ невѣсты покупаются за деньги, продажная цѣна называется *калымомъ*, названіе, до нынѣ означающее тотъ же предметъ у Татаръ и Калмыковъ. 2, Въ пѣсни, которая поется при продажѣ братомъ дѣвичьей косы:

Братецъ *Татаринъ*
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину,

или у Червоно-Руссовъ:

Ой братчикъ *Татаръ*
Продавъ сестру за таляръ,
Русу косу за шостакъ,
Биле личко за такій-такъ (42),—

очевидно продажа порицается, какъ обычай иноземный и клеймится ненавистнымъ народу прозвищемъ татарской. Изъ этого скорѣе можно бы заключить, что, такъ какъ слово «Татаринъ» было невѣдомо нашимъ предкамъ до XIII вѣка, то и обычай, называемый этимъ словомъ, вѣроятно невѣдомъ былъ имъ до XIII вѣка. 3, Невѣста была бы товаромъ и брачный договоръ имѣлъ бы форму торга тогда только, когда бы осмотру подвергалась одна невѣста; но въ числѣ свадебныхъ обрядовъ мы встрѣчаемъ обрядъ глядинъ и жениха (43). При продажѣ продавцу нѣтъ дѣла до личности купца, которому будетъ принадлежать товаръ. «Когда предметомъ торга является жена, то семья жениха выбираетъ, семья невѣсты играетъ пассивную роль; первая постановляетъ свои требованія и условія, вторая не имѣетъ права предъявить

ханных требований: она соглашается на предлагаемое или не соглашается, но не смотрит жениха и не дѣлает выбора» (44). Между тѣмъ обрядъ выдачи жениха прямо этому противорѣчитъ. Наконецъ 4, если въ свадебныхъ пѣсняхъ упоминается о продажѣ невѣсты, то въ нихъ же упоминается и о приданномъ (45). Предполагая, что лѣтописи должны служить пробнымъ камнемъ для открытія древности обычая, мы видимъ что Несторово свидѣтельство рѣшаетъ вопросъ о древности прямо въ пользу приданнаго, а не продажи невѣстъ у Славянъ. Если же въ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ и намека на покупку невѣстъ, но видимъ или умычку ихъ или браки съ приданнымъ, если въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ, какова напр. Русская Правда (46), обязанность снабжать дѣвушку приданнымъ ставится въ непремѣнный долгъ тѣхъ, на попеченіи которыхъ дѣвушка находится; — то мы не имѣемъ никакого права отрицать присутствія приданнаго въ древне-славянскомъ бракѣ. Но съ другой стороны мы не беремся безусловно отрицать и тѣхъ живыхъ свидѣтельствъ о старинѣ, которыя передаетъ намъ символика народныхъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ и, не вдаваясь въ крайность, мы кажется можемъ назвать приблизительно вѣрными слѣд. результаты:

1, Приданное является необходимою принадлежностію древне-славянскихъ браковъ. Исконнымъ закономъ, обычаемъ, преданіемъ отцовскимъ

поставлялось въ необходимую обязанность рода и семьи снабжать дѣвушку приданнымъ, при выдачѣ ея въ чужую семью: оно было знакомъ связывающимъ ее съ роднымъ домомъ. Но 2, приданное отнюдь не исключаетъ ни вознагражденія, даваемаго женихомъ родственникамъ невѣсты, ни вѣна. Смотря на жену почти какъ на работницу, мужъ, особенно въ то время, время неразвившейся гражданственности, не увольнялся отъ обязанности вознаградить за пріобрѣтеніе работницы тому дому, который, съ выходомъ дѣвушки замужъ, терялъ въ ней также одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный. Самое вѣно, какъ мы сказали, не имѣло вначалѣ того высокаго юридическаго значенія, которое получило впослѣдствіи: оно было вознагражденіемъ дѣвицѣ за ея дѣвическій вѣнокъ, за ея свободу, которую она теряла при выходѣ замужъ; оно было и выраженіемъ благодарности супруга за доставленное ему чувственное удовольствіе;—однимъ словомъ имѣло вначалѣ характеръ западнаго утренняго дара (Morgengabe). Уже впослѣдствіи, при болѣе развившейся гражданственности, вѣно сдѣлалось залогомъ, которымъ мужъ обезпечивалъ приданное и личность жены отъ всякаго со стороны его или его родственниковъ нарушенія. Съ такимъ характеромъ вѣно мы встрѣчаемъ на ряду съ приданнымъ въ древнѣйшихъ правахъ всѣхъ славянскихъ народовъ, Чеховъ (47), Поляковъ (48), Сербовъ (49) какъ общій коренной обычай славянскій.—Что

Digitized by Google

касается до современныхъ обрядовъ выкупа постели, мѣста около обрученной и косы ея, до надѣленія отца, братьевъ и вообще родственниковъ молодой деньгами со стороны жениха, то они, выражая сначала вознагражденіе рода или семьи за взятаго у него домочадца, потомъ сдѣлались просто подарками, и этотъ смыслъ имъ придаетъ самая символика народныхъ пѣсень (50).

Изъ множества свадебныхъ обрядовъ, которые совершаются нынѣ въ простомъ народѣ, и на которыхъ лежитъ печать глубокой древности, только одинъ обрядъ *раззуванія* мужа, очевидно варяго-русскій, встрѣчаемъ мы у Нестора. Владиміръ, собираясь идти на брата Ярополка, послалъ къ Рогвольду, князю полоцкому, съ предложеніемъ: «хочу взять дочь твою себѣ въ жены.» Рогвольдъ спросилъ дочь: хочешъ ли за Владиміра? Она же отвѣчала: «не хочу раззуть рабычича, но Ярополка хочу» (51). Въ древне-скандинавскомъ правѣ обувь имѣла символическое значеніе при усыновленіи, узаконеніи и обрученіи. Отецъ приготовлялъ пиръ, убивалъ трехлѣтняго быка, снималъ съ правой ноги его кожу и дѣлалъ изъ нея башмакъ; сперва самъ надѣвалъ его, потомъ усыновляемый, законный наслѣдникъ и друзья. Это называлось «вступить въ башмакъ» (52). При обрученіи женихъ снималъ обувь съ ноги своей и передавалъ ее невѣстѣ, которая надѣвала на свои ноги — и это было символомъ поступленіа ея подъ власть мужа (53). Нашъ обрядъ раззуванія вѣроят-

Digitized by Google

но имѣлъ тоже значеніе. Мы встрѣчаемъ его еще въ XVII вѣкѣ (54) и даже въ настоящее время; только къ нему прибавленъ новый атрибутъ власти мужа: въ сапогъ, который молодая снимаетъ съ ноги жениха, вкладывается плетка.

Бракъ есть основаніе и начало всѣхъ семейныхъ и родовыхъ отношеній. Въ формѣ и образѣ его заключенія всего болѣе проявляется значеніе женщины, особенно въ древнѣйшемъ быту нашихъ предковъ, который очень долго носилъ родовой характеръ. Опредѣливъ по уцѣлѣвшимъ обломкамъ стародавнихъ обычаевъ свойства языческаго брака въ древней Руси, мы постараемся теперь изобразить въ короткихъ чертахъ основныя начала древнѣйшей жизни Славяно-Руссовъ, какъ той среды, въ которой должна была являться и дѣйствовать женщина.

«Если бы кто изъ людей теперешняго вѣка, имѣющихъ совершенно отличные отъ прежнихъ обычаи, захотѣлъ изобразить первобытную простоту стародавнихъ людей, то по-истинѣ сильно напыщеннымъ и неестественнымъ показался бы онъ читателю.»

Такъ начинаетъ свою хронику старый Чехъ Козьма пражскій (Cosmae Prag. Chr. p. 8). И дѣйствительно: чрезвычайно трудно составить опре-

Digitized by Google

дѣленное понятіе объ устройствѣ древнѣйшаго быта народовъ, пока еще этотъ бытъ развивается подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, пока всѣ общественныя отношенія неточно опредѣляются обычаемъ, преданьемъ, закономъ отцевъ; и потому почти неуловимая случайность и разнообразіе обычаевъ служатъ главными характеристическими чертами народной жизни. Общественнымъ отношеніямъ нашего времени совершенно чуждъ этотъ естественный, обычный бытъ древнихъ народовъ; а между тѣмъ для изображенія его мы должны брать слова и понятія изъ современной намъ дѣйствительности. Главнымъ невыгоднымъ слѣдствіемъ этаго несогласія формы съ содержаніемъ будетъ то, что древняя жизнь подъ перомъ новѣйшаго историка потеряетъ свой стародавній колоритъ, потому что онъ мимо воли вноситъ въ нее понятія современныя.

Въ странѣ, покрытой лѣсами, болотами и неприступными озерами, непрерывно тянулись по теченію рѣкъ селенія Славянъ.

Врагъ—чужеземецъ, подходя къ землѣ ихъ, видѣлъ предъ собою отвѣчные густые лѣса, изъ-за которыхъ Славянинъ, чуя приближеніе непріятеля, мгновенно скрывался, зарывая въ землю скудное свое имущество..... (55).

Такова была страна. Сами Славяне именовали ее великою и обильною и много времени прошло, пока сознали они, что наряда въ ней нѣтъ, и много времени довольствовались они своею

Digitized by Google

правдою по закону отцовскому, по закону свату, которую принесли отцы ихъ въ эту землю.

Какова-жъ была эта правда?

Общинно-родовымъ характеромъ проникнутъ былъ весь религіозный и общественный бытъ Славянина. Въ своемъ Прабогѣ онъ видѣлъ родоначальника огромной семьи боговъ и богинь, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ и связанныхъ узами кровнаго родства (56); твердь небесная съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами являлась Славянину однимъ огромнымъ семействомъ:

Красно солнце — то хозяинъ въ дому,
Свѣтелъ мѣсяцъ — то хозяйка въ дому,
Часты звѣзды — то малы дѣтушки (57).

Это устройство быта божественнаго и звѣзднаго было снимкомъ быта людскаго. Каждое колѣно славянское распадалось на роды; каждый родъ жилъ отдѣльно на своемъ мѣстѣ подъ властію своего родоначальника (58). Не столько внѣшняя потребность защиты, сколько кровное родство соединяло семьи въ роды; кровное старѣйшинство было основаніемъ всѣхъ правъ на власть и почетъ въ родѣ и семьѣ, основаніемъ мѣстничанья. Ни правъ личныхъ, ни правъ вещныхъ человѣкъ внѣ рода или семьи не имѣлъ: онъ былъ не рабъ и не свободный,—онъ былъ домочадецъ, малый ближникъ. Собственность была общею нераздѣльною принадлежностію рода: «ошвіа ois

Digitized by Google

erant communia: nec quisquam meum dicere nerat, sed, ad instar monasticae vitae, quidquid habebant, nostrum ore, corde et opere sonabant ([59]). Выбывая изъ рода, изъ семьи, домочадецъ не имѣлъ уже права на собственность: она отдавалась въ пользованіе другимъ членамъ. Деспотъ въ Римѣ, вождь и защитникъ въ германской общинѣ,— глава рода и семьи у Славянъ является домовладыкою. Его права и его власть были: 1., чинить нарядъ или рядить въ семьѣ съ-обща съ прочими домочадцами ([60])—это главное его право и главная обязанность; 2., быть представителемъ своихъ милыхъ ближниковъ на родовыхъ и колѣнныхъ вѣчахъ или сходкахъ: «на сеймы для пользы братій ходить» ([61]); 3., быть представителемъ семьи предъ божествомъ: «кормить боговъ родимыхъ и пѣвать имъ славу» ([62]). Умиралъ домовладыка— и тогда домочадцы избирали новаго представителя по старшинству и способности управлять общимъ имѣніемъ; уже впослѣдствіи, когда семейное единство распалось, выборъ домовладыки основывался на степени кровнаго родства съ умершимъ, такъ что младшій членъ могъ быть уже главою семьи. И все это устройство, весь нарядъ въ каждомъ колѣнѣ и родѣ совершались на основаніи своихъ обычаевъ, законовъ и преданій отцовскихъ. Обычай еще не былъ возведенъ въ законъ.

При такомъ устройствѣ понятно уваженіе Славянъ къ старцамъ, которое такъ превозносятъ

Digitized by Google

свои и чужіе лѣтописцы: родство и старѣйшинство были основою мѣстничества; понятно гостепріимство, которое такъ хвалятъ Маврикій и Гельмольдъ: оно было добродѣтелью всѣхъ народовъ, стоявшихъ на низкой степени гражданственности, неперешедшихъ еще отъ родоваго быта къ гражданскому: гостя кормилъ и угощалъ весь родъ, за обиду, ему нанесенную однимъ домочадцемъ мстилъ весь родъ, за обиду, нанесенную своему домочадцу, мстилъ также весь родъ. Живя отдѣльно «кождо съ родомъ своимъ,» владѣя отдѣльно «кождо родомъ своимъ»—не въ слишкомъ добромъ согласіи находились славянскія колѣна между собою: отчужденность, отсутствіе общихъ интересовъ производили враждебность; уже Маврикій упрекаетъ Славянъ въ томъ, что они, ненавидя другъ друга, находятся въ безпрестанномъ между собою несогласіи. Этимъ можно объяснить первоначальное господство у Славянъ браковъ посредствомъ умычки, на это намекаютъ и грустныя пѣсни невѣсты, для которой чужая семья словно темный лѣсъ, безъ мороза сердце вызябнетъ. . . .

Таковъ былъ древнѣйшій родовой бытъ Славянъ. Хотите видѣть картину, его живо сохранившуюся послѣ тысячелѣтнихъ переворотовъ—прочитайте описаніе настоящей жизни Сербовъ, сдѣланное французскимъ путешественникомъ Мармье.

«Довольно замѣчательно въ настоящее вре-

Digitized by Google

мя найти страну, которая, съ тѣхъ поръ какъ извѣстна, сохранила первобытный характеръ и осталась вѣрна своимъ прежнимъ повѣрьямъ, обычаямъ и народнымъ преданіямъ. Жилища въ Сербіи разсѣяны по долинамъ и холмамъ; каждое жилище составляетъ свой отдѣльный небольшой міръ: въ немъ соединены всѣ ремесла, а поля и лѣса, окружающіе эту колонію, удовлетворяютъ всѣмъ ея потребностямъ. Сообщенія между этими земледѣльческими колѣнами довольно затруднительны. Вся страна покрыта величественнымъ дубовымъ лѣсомъ, къ которому Сербы питаютъ суевѣрное почтеніе. «Срубить дерево, говорятъ они въ порывѣ любви своей къ природѣ, значитъ убить человѣка.»

«Пройдя лѣсомъ по неровнымъ тропинкамъ, извивающимся по отлогости холмовъ, и перейдя въ бродъ нѣсколько рѣчекъ, доходишь до одной изъ обширныхъ фермъ, обитаемыхъ тремя или четырьмя поколѣніями. Сербскія семейства никогда неразлучаются. Каждый сынъ, который женится, приводитъ свою жену подъ отцовскій кровъ. Имъ даютъ въ одномъ изъ флигелей отдѣльную комнату; но для всѣхъ, и для старыхъ и для молодыхъ, очагъ и столъ одинъ. Тамъ раздѣлы неизвѣстны.—«Дубъ, говоритъ Шатобріанъ, видитъ вокругъ себя произрастающіе жолуди; но не такъ бываетъ съ людьми.»—Въ Сербіи знаменитый писатель измѣнилъ бы свои меланхолическія размышленія: тамъ дѣды видятъ

Digitized by Google

вокругъ себя вырастающихъ внуковъ. Всѣ члены живутъ какъ рой пчелъ въ одномъ ульѣ, обработывая одни поля и имѣя общія радости. Чтобы союзъ этотъ связать еще сильнѣе, выбираютъ одного Святаго покровителемъ дома; и мужчины и женщины, и отцы и дѣти, всѣ просятъ его покровительства и торжествуютъ день его праздника. Добрымъ сердцамъ Сербовъ такъ необходима кровная привязанность, что если молодой человѣкъ теряетъ брата, то выбираетъ себѣ въ сосѣдствѣ названнаго брата. Когда чужеземецъ приходитъ въ одно изъ этихъ жилищъ, его принимаютъ какъ гостя ниспосланнаго Провидѣніемъ. Домовладыка сажаетъ его возлѣ себя, хозяйка дома ему услуживаетъ, а самая молодая дѣвушка проситъ позволенія омыть ему ноги. — Славянскія поколѣнія съ давнихъ временъ и всюду извѣстны по своему гостепріимству. У Сербовъ есть легенда, представляющая поразительную картину этой народной добродѣтели, и легенда эта походитъ на сказаніе объ Авраамѣ, но еще удивительнѣе. Вотъ она почти въ тѣхъ словахъ, въ какихъ была разсказана мнѣ подъ зелеными вѣтвями на берегу Савы.

«Вечеръ наступаетъ, луна блеститъ на снѣж-«ныхъ равнинахъ. Незнакомецъ входитъ въ хи-«жину бѣднаго Лазаря. «Добро пожаловать! го-«воритъ ему Лазарь; потомъ обратясь къ своей «женѣ: «Любица разведи огонь и приготовь ужинъ.»

«Любица отвѣчаетъ: лѣсъ пространенъ, хво-

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСНОГО ПРОФЕССУРЫ
№

Digitized by Google

«ростъ горитъ на очагѣ. Но гдѣ же ужинъ? Уже «два дня какъ мы ничего неѣли.—Стыдъ и сму-«щеніе сжимаютъ сердце бѣднаго Лазаря. «Развѣ «ты не Сербъ, говоритъ ему незнакомецъ, и развѣ «у тебя нечего подать твоему гостю?»

«Бѣдный Лазарь открываетъ шкапы, идетъ «въ житницу, но ничего не находитъ—ни крошки «хлѣба, ни одного плода. Стыдъ и смущеніе еще «болѣе овладѣваютъ его сердцемъ.

—«Вотъ свѣжее мясо для ужина, говоритъ не-«знакомецъ, положивъ руку на голову Янка, ре-«бенка съ свѣтлыми кудрями. Любица испус-«каетъ крикъ и падаетъ на землю.—«Никогда, вос-«кликнулъ Лазарь, никогда не скажутъ, чтобы «Сербъ измѣнилъ долгу гостепріимства!»—Съ эти-«ми словами онъ схватываетъ топоръ и убиваетъ «Янка какъ ягненка. — О! кто можетъ описать «ужасъ незнакомца!....

«Лазарь заснулъ; около полуночи онъ слы-«шитъ голосъ незнакомца, который призываетъ «его и говоритъ ему: «встань Лазарь! я твой «Богъ. Гостепріимство Серба осталось незапят-«наннымъ! сынъ твой воскрешенъ, и да будетъ «благодать на твоемъ домѣ!»

«Живите, живите долго богатый Лазарь, «прекрасная Любица и Янко съ свѣтлыми кудрями!»

«Вечеромъ, въ то время когда путешествен-никъ сидитъ у очага на почетномъ мѣстѣ и съ наслажденіемъ куритъ трубку, сынъ хозяина бе-ретъ гузлу и начинаетъ одну изъ старинныхъ

Digitized by Google

туземныхъ пѣсень, пѣснь воинственную и пѣснь любви, которая восхищаетъ слухъ старцевъ и заставляетъ трепетать дѣтей..... (63). »

Но только у Сербовъ, да и то не вездѣ, сохранился этотъ стародавній бытъ въ первоначальной чистотѣ и грубости. У прочихъ же народовъ славянскихъ конецъ VIII и начало IX вѣка были временемъ перехода отъ родовыхъ отношеній къ гражданскимъ. Это та эпоха, когда у Чеховъ затосковала ласточка въ Вышеградѣ и поспорили Кленовичи за отчее наслѣдіе, когда у Поляковъ жена Попела поднесла чашу съ отравою родственникамъ своего мужа, когда и у нашихъ Славянъ возсталъ родъ на родъ и управы не было. Въ Богеміи Пржемысловичи, въ Польшѣ Пясты, у насъ Рюриковичи начинаютъ преобразовывать бытъ общинно-родовой въ гражданскій; но на Западѣ преобразованіе совершилось скорѣе при помощи нѣмецкаго феодализма, у насъ перевѣсъ славянскаго элемента длился гораздо долѣе. Только у Боголюбскаго мелькнула мысль о князѣ какъ о государѣ, а не старѣйшемъ родичѣ; почти два вѣка прошло, пока Калита началъ приводить эту мысль въ исполненіе,—и опять 2 вѣка потребны были для того, чтобы идея объ отчичѣ и дѣдичѣ московскомъ перешла въ идею о царѣ русскомъ. Вообще вліяніе норманнскаго быта на языческій бытъ древней Руси, сильное въ поколѣніи князей и дружинниковъ, было довольно слабо въ массѣ народной: это потому, что и народа варяго-рус-

Digitized by Google

скаго было мало, да и не долго было время его исключительнаго господства; онъ самъ подвергся вліянію Славянизма и Византіи.

Ошибаются тѣ изслѣдователи, которые, опираясь на родовомъ устройствѣ древне-славянскихъ колѣнъ, заключаютъ отсюда о какой-то мягкости, гуманности ихъ семейныхъ отношеній и представляютъ бытъ древнихъ Славянъ какимъ-то идеаломъ мирной, патріархальной жизни, проникнутымъ насквозь пасторальными добродѣтелями и чувствами семейной любви и уваженія.

Такой взглядъ невѣренъ во первыхъ фактически: ему противорѣчатъ эти безпрерывные раздоры родовъ, заставляющіе многихъ Славянъ искать извнѣ князей—строителей наряда; ему противорѣчатъ безпрерывныя битвы Славянъ съ сосѣдями на Западѣ, ихъ набѣги на Грецію; ему противорѣчатъ сказанія всѣхъ лѣтописцевъ своихъ и чужихъ, изъ которыхъ видно, что не одинъ плугъ и не одни гусли, но и мечь, стрѣлы и копья всегда были не разлучными спутниками Славянина, что, рядомъ съ мирными и добрыми свойствами земледѣльца, у Славянъ встрѣчается воинственная грубость народа полудикаго. Во вторыхъ не вѣренъ этотъ идиллическій взглядъ на бытъ древнихъ Славянъ въ самыхъ своихъ остованіяхъ. Опираясь на томъ, что всѣ бытовыя отношенія народа были проникнуты родовымъ началомъ, заключаютъ изъ этаго о мирномъ, человѣчномъ характерѣ народной жизни, тогда какъ

Digitized by Google

исторія всѣхъ человѣческихъ обществъ доказываетъ на оборотъ, что вездѣ, гдѣ семейство тѣсно слито съ государствомъ, тамъ семейныя отношенія грубѣе и неразвитѣе, чѣмъ у народовъ, у которыхъ государство и семья отдѣлены одно отъ отъ другаго. Да это очень естественно: съ одной стороны смѣшеніе семейныхъ отношеній съ политическими предполагаетъ вообще низшую степень развитія гражданственности и потому самому отсутствіе всякой утонченности и человѣчности, съ другой стороны въ семействѣ организованномъ въ государство не однѣ узы крови, не одно родство опредѣляютъ взаимное отношеніе членовъ. Здѣсь глава въ семьѣ есть не только старшій въ родѣ, но судья, жрецъ ея: кровныя отношенія по неволѣ заслоняются владѣтельными. Здѣсь старшій и сильнѣйшій не столько любитъ и покровительствуетъ, сколько повелѣваетъ, здѣсь младшіе не столько уважаютъ, сколько повинуются. Въ доказательство сказаннаго прослѣдите исторію семьи римской, германской (и даже славянской) и вы увидите, что чѣмъ болѣе отдѣлялось семейство отъ гражданскихъ и государственныхъ отношеній, чѣмъ самостоятельнѣе становилось оно, тѣмъ утонченнѣе, выше, человѣчнѣе дѣлались семейныя отношенія въ народѣ, тѣмъ болѣе инстинктивныя, животныя узы крови обращались въ узы родства духовнаго, нравственнаго, человѣческаго.

Опредѣливъ характеръ брака въ языческой

Digitized by Google

Руси, опредѣливъ характеръ того общества, въ которомъ поставлена была женщина, мы постараемся изобразить значеніе ея въ періодъ до-христіанскій. Обломки стародавнихъ обычаевъ, сохранившіеся въ лѣтописяхъ и въ народныхъ былинахъ разныхъ славянскихъ народовъ (особенно Чеховъ), дадутъ краски для нашей картины. Само собою разумѣется, что при отсутствіи памятниковъ юридическихъ и подробныхъ извѣстій лѣтописныхъ, при отсутствіи собственно русскихъ историческихъ пѣсень, въ которыхъ народная фантазія сохранила бы чистыя воспоминанія о стародавней жизни языческой Руси, мы можемъ набросать картину также смутную, неясную и неполную, какъ смутны, неясны и неполны свѣдѣнія, служащія ей фономъ.

II.

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Славянъ мы не встрѣчаемъ восточной мысли о погибели міра чрезъ женщину, о рабствѣ женщины. Но идея о превосходствѣ мужчины надъ женщиною высказывается въ космогоніи Славянъ точно также, какъ и въ космогоніяхъ всѣхъ восточныхъ народовъ. Въ женщинѣ-водѣ олицетворено было страдательное начало міротворенія, въ мужчинѣ-свѣтѣ творческое. Безъ свѣта-мужчины вода-женщина представляется въ видѣ льда, снѣга, смерти, мате-

Digitized by Google

ріею безъ жизни и духа; только отъ дѣйствія свѣта женское начало получаетъ жизнь и движеніе: ледъ и снѣгъ обращаются въ живительную влагу рѣкъ и источниковъ (64). Сколько можемъ судить по сохранившимся въ народныхъ пѣсняхъ и въ сказаніяхъ современниковъ темнымъ намекамъ, Славяне вѣрили, что женщина вступала въ рай только посредствомъ мужчины и это вѣрованіе было, по свидѣтельству Массуди, такъ сильно, что если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ вѣчноцвѣтущій садъ, во владѣніе солнца и свѣта, откуда сѣмена жизни залетаютъ на землю (65). Но если душа женщины вступала въ рай, ведомая душею мужчины; то, съ другой стороны, Славяно-Руссы вѣрили (66), что добровольное сожженіе женщины силою любви искупало душу мужчины отъ грѣховъ, облегчало ему доступъ въ жилище свѣта.

Слѣдя далѣе религіозныя понятія Славяно-Руссовъ о женщинѣ, мы видимъ у нихъ общее съ Германцами вѣрованіе о томъ, что духъ пророчества и гаданій былъ гораздо доступнѣе женщинамъ, нежели мужчинамъ. У Чеховъ были *wieszkynie*, отвѣчавшія на вопросы относительно политическаго состоянія страны, и князья предпринимали дѣла по ихъ совѣтамъ (67). При этомъ Славяне отличали даръ прорицанія, который, по ихъ мнѣнію, былъ исключительною принадлеж-

Digitized by Google

ностію чистой дѣвушки, отъ способности гаданій и чарованій, которымъ посвящали себя старухи, отжившія свою семейную жизнь. Первыя вообще выражаютъ доброе начало, послѣднія злое: идеалъ первыхъ Царь-дѣвица, идеалъ вторыхъ Яга-баба ([68]). Вообще Славянинъ окружилъ высокими атрибутами дѣвическую непорочность и вѣрилъ въ божественную силу ея: чистая дѣва является вѣщею хранительницею скрижалей правды, которыми судъ человѣческій караетъ кривду, огня и воды, которыми судъ Божій обнаруживаетъ невиннаго ([69]). Чистыми дѣвами окруженъ пурпурный золототканный престолъ Царя-солнца; онѣ ему прислуживаютъ, его убираютъ, заплетаютъ ему волоса и двѣ изъ нихъ, Заря утренняя и Заря вечерняя, поютъ ему райскія пѣсни ([70]). Нельзя не замѣтить во всѣхъ этихъ изображеніяхъ чего-то сроднаго съ общеязыческимъ учрежденіемъ римскихъ Весталокъ, литовскихъ Вайделотокъ, мексиканскихъ Дѣвъ-солнца. Наконецъ замѣтимъ еще одну черту въ народныхъ повѣрьяхъ: жизнь природы, особенно растительная, гораздо доступнѣе женщинѣ нежели мужчинѣ, между ними есть какое-то близкое сочувствіе; большая часть женскихъ душъ превращаются въ цвѣты, травы, деревья; всѣ движенія женскаго сердца, всѣ явленія ея жизни находятъ отголосокъ въ произведеніяхъ матери—сырой земли, и народная поэзія беретъ изъ природы свои символы, преимущественно для изображенія женщины ([71]).

Digitized by Google

Отъ религіознаго значенія женщины переходимъ къ дѣйствительному положенію ея въ семействѣ отца и семействѣ мужа. Въ древне-римской семьѣ личность paterfamilias'а поглощала личности всѣхъ прочихъ членовъ семьи и въ томъ числѣ дочери; въ древне-германской семьѣ основаніемъ всѣхъ личныхъ и вещныхъ правъ аримана была способность faidam levare, мстить за обиду, защищать общество съ мечемъ въ рукѣ: женщина поэтому не пользовалась никакими правами. У Славянъ личность домочадцевъ исчезала не въ лицѣ домовладыки, но въ идеѣ семьи; рабства, уравнивающаго человѣка съ вещью, не было; и женщина и мужчина являлись не рабами и не самостоятельными личностями, но домочадцами, членами семьи. Кровное родство и старѣйшинство были основаніемъ всѣхъ правъ; а потому женщина, хотя уступала первенство мужчинѣ, но только кровному, старшему. При недостаткѣ мужескаго взрослаго поколѣнія она вступала во всѣ права его.

Дочь не была рабою, вещью, бытіемъ которой отецъ могъ бы располагать по произволу. «Отецъ далъ жизнь своему дитяти и потому оно есть полная собственность отца,» этотъ силлогизмъ, служившій принципомъ римскаго и древняго-германскаго права, чуждъ семьѣ славянской. Онъ примѣняется къ ней въ слѣдующей формѣ; «отецъ далъ бытіе домочадцу, который есть собственность дома, а не отца:» ибо все,

Digitized by Google

что ни пріобрѣтаетъ членъ рода или семьи, есть общее достояніе рода и семьи. Этимъ основнымъ началомъ мы объясняемъ отсутствіе у Славянъ жестокаго обычая, по которому отецъ произносилъ судъ о жизни или смерти своего сына и дочери. Этотъ классическій обычай былъ развитъ въ древне-германскомъ правѣ вообще и въ скандинавскомъ особенно во вредъ дочери (72). Въ Скандинавіи же онъ долѣе всего противился вліянію идей христіанскихъ: всѣ саги наполнены расказами о дѣтяхъ могилъ (Grabkinder) и дѣтяхъ лѣсовъ—несчастныхъ жертвахъ жестокаго обычая (73), слѣды котораго встрѣчаемъ еще въ 1000 году (74).

Обычай этотъ, для выраженія котораго нѣтъ даже словъ въ нашемъ языкѣ, былъ совершенно чуждъ народамъ славянскимъ. Только у одного дикаго племени—Поморянъ (по словамъ жизнеописателя св. Оттона) жены убивали дѣвочекъ, если ихъ раждалось слишкомъ много въ семействѣ, но обязывались хранить жизнь сыновей, рожденныхъ служить отечеству (75). Карамзинъ несправедливо приписываетъ такое обыкновеніе всѣмъ Славянамъ. Нравы Поморянъ, окруженныхъ Нѣмцами, сосѣдившихъ Норманнамъ, никакъ не могутъ служить образцемъ нравовъ чисто-славянскихъ. У Поморянъ мы именно встрѣчаемъ этотъ обычай въ томъ, исключительно грозномъ видѣ для дѣвушки, въ какомъ представляютъ намъ его саги скандинавскія (76).—Мы не

Digitized by Google

отрицали бы, что онъ могъ перейти къ намъ вмѣстѣ съ Норманнами, если бы нашли въ древнѣйшихъ памятникахъ хоть одно свидѣтельство его существованія если бы встрѣтили въ уставахъ церковныхъ хоть одну мѣру противъ этаго противухристіанскаго обычая, который не могло не преслѣдовать духовенство. Кранихфельдъ, на основаніи одного мѣста въ Новгородской лѣтописи— «отецъ и мати чадо свое всажаяши гостемъ даромъ и ово ихъ изомроша», заключаетъ, что продажа и умерщвленіе дѣтей были въ числѣ правъ родительской власти. Но Кранихфельдъ упустилъ изъ виду, что эта продажа случилась по словамъ лѣтописца, когда въ Новгородѣ «лютѣ бяше: отъ глада трупіе по улицамъ и по путіемъ и всюду..... туга бѣда на всѣхъ (Нов. I, 5).» Нельзя возводить въ общій обычай фактъ, бывшій слѣдствіемъ голода и во всякомъ случаѣ намекающій на продажу и нисколько на умерщвленіе дѣтей.

Такимъ образомъ отсутствіе варварскаго обычая expositio, или выставки дѣтей, гарантировало жизнь дочери, наравнѣ съ жизнію сыновей, отъ произвола родителей. Доказательствомъ того, что дочь не была въ семействѣ отца безотвѣтною рабою, служитъ приданное, съ которымъ она выходила въ чужой родъ. Если будемъ понимать буквально слова Нестора, то увидимъ, что, при древнѣйшемъ образѣ браковъ, не столько согласіе родителей, сколько собственная воля располагала судьбою дочери при выборѣ мужа: «умыкаху себѣ жены,

Digitized by Google

съ нею же кто съвѣщашеся», говоритъ Несторъ. «У нихъ не мужчины выбирали себѣ невѣстъ, но дѣвушки сами выбирали себѣ жениховъ, кого и когда хотѣли», говоритъ Козьма о Чехахъ (77). Въ преданіи о Рогнѣдѣ видимъ, что и обычаи Руссовъ не стѣсняли воли дѣвушки при избраніи мужа. «Хочешь ли за Владиміра»? спрашиваетъ Рогнѣду отецъ; «не хочу раззуть рабычича, но Ярополка хочу!» отвѣчаетъ она—и цѣлое семейство гибнетъ, потому что не хотѣло насиловать свободы гордой дѣвушки; Рогнѣда сама дѣлается невольною супругою побѣдителя. Обиженная какъ дочь и сестра, она еще была обижена какъ жена,—и рѣшается мстить и за себя и за родъ свой: «за то, что убилъ отца моего, за то, что землю его полонилъ, за то, что теперь не любитъ и меня съ младенцемъ—сыномъ!» говоритъ она Владиміру, занося на него ножъ мстительницы.

Но если при заключеніи брачнаго договора и могли спрашивать домоначальники и родичи о согласіи у жениха и невѣсты, то съ другой стороны, особенно въ то время, когда надъ всѣмъ царила грубая сила, не рѣдко случалось, что дѣвушки при выборѣ мужа должны были во всемъ повиноваться чужой волѣ. Встрѣчаются пѣсни, въ которыхъ дѣвушка жалуется на то, что невольно идетъ за немилаго по батюшкину повелѣнію; въ уставѣ Ярослава есть даже статья противъ насильныхъ браковъ (78): ясное доказательство, что духовенство должно было приниматъ подъ защиту

Digitized by Google

слабую дѣвушку. Но опять общинно-родовое устройство славянскаго быта, ограничивавшее власть домовладыки рядомъ или совѣтомъ родичей-домочадцевъ, поставляло и судьбу дѣвушки не столько въ зависимость отъ отца, сколько въ зависимость отъ рода, семьи. Это можно видѣть изъ названій, которыя народъ даетъ жениху и невѣстѣ: онъ ей суженый-ряженый, она ему суженая-ряженая и при томъ не только

По батюшкину повелѣнію,
По матушкину благословенію,

но и

По мірскому приговору.

Если дѣвушка и плачется:

Не сама замужъ иду,
Не своею охотою;

то указываетъ не на однихъ родителей, какъ насильниковъ дѣвичьей ея воли, но и на милыхъ ближниковъ:

Отдаетъ родной батюшка,
А просватала матушка,
Приговорили пріятели (79).

Не всегда стѣсняемая въ выборѣ мужа, имѣя право мстить за обиду рода, какъ послѣдняя его представительница, сестра впрочемъ при братьяхъ не имѣла участія въ пользованіи родовою недвижимою собственностію. Положительныхъ доказательствъ на это мы не имѣемъ; но этотъ обычай смутно слышится въ легендѣ объ основаніи Кіева.— «Было три братья, единому имя Кій, а другому

Digitized by Google

Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяще Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяще на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и сотвориша градъ во имя брата старѣйшаго и нарекоша имя ему Кіевъ.... И по сихъ братьи начаша родъ ихъ держати княженье въ Поляхъ (80).»—Разсматривая эту легенду мы видимъ, что народное преданіе, выражая духъ своего времени, обычай и законъ отцевъ, назначаетъ каждому брату опредѣленный участокъ въ родовой собственности: Кій сидитъ на горѣ около Боричева увоза, Щекъ на Щековицѣ, Хоривъ на Хоревицѣ; братья принимаютъ участіе въ строеніи (сотвориша) и наименованіи (нарекоша имя) города; но объ Лыбеди сказано только, что она жила и умерла при братьяхъ. Этотъ обычай, устранявшій сестру отъ совладѣнія съ братьями, потомъ, какъ увидимъ, перешелъ въ Русской Правдѣ и во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ славянскаго права въ законъ положительный (81). Причина его можетъ заключаться въ томъ же общинно-родовомъ началѣ древне-славянскаго быта: сестра, выходя замужъ, могла выйти изъ рода и перенести въ чужую семью родовое имущество. И потому обычай и законъ, на немъ основанный, исключали сестру отъ сонаслѣдія съ братьями для того, чтобы, по выраженію Дрецнера, ne in alienos domos fæminæ, cum ex suis exierint, opes importent hæreditarios (82). Такимъ образомъ сестра была

Digitized by Google

при братьяхъ недѣйствующимъ членомъ семьи; самое право мести переходило на нее только при недостаткѣ ближайшихъ родичей-мужчинъ. Но, оставаясь единственною въ родѣ, при недостаткѣ мужскаго поколѣнія, дочь могла управлять родовою собственностію, быть главою рода, его представительницею. На этомъ основаніи дѣвушкѣ у Славянъ былъ открытъ доступъ къ престолу. Народныя легенды Чеховъ и Поляковъ, представляютъ намъ два примѣра дѣвушекъ-правительницъ:

Въ концѣ VIII вѣка умираетъ Кракусъ, мудрый владыка родовъ чешскихъ, отецъ трехъ дочерей Казы, Теты и Любуши.—Каждой изъ нихъ народное преданіе приписываетъ особенное сверхъестественное свойство: Каза знала свойства травъ и кореньевъ и посвящена была въ таинства природы; Тета находилась въ близкомъ сношеніи съ богами и объявляла народу волю ихъ; Любуша, вѣщая дѣва, превосходила своихъ старшихъ сестеръ мудростію и кротостію. Величіемъ души она не уступала мужчинамъ, и потому Чехи, по смерти Кракуса, вручили ей право давать рядъ въ землѣ своей. Правила она мирно и мудро, но скоро оказалось, что не подъ силу и мудрой дѣвѣ править мужами: замутились воды Велтавы рѣки, разлучились два родные брата Хрудошъ и Стяглавъ, оба Кленовичи, и завраждовали между собою крѣпко за отчее наслѣдіе:

Прилетѣла сизая касатка,
Отъ кривой Отавы прилетѣла,

Digitized by Google

На окошкѣ сѣла на широкомъ,
Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,
Стольномъ градѣ, святомъ Вышеградѣ,
Зароптала, заплакала горько.
Какъ сестра касатки той родная
Эти рѣчи въ домѣ услыхала,
Позвала княжну Любушу въ городъ
Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.

И созвала Любуша князей со всѣхъ сторонъ земли чешской, созвала кметовъ, леховъ и владыкъ великихъ, созвала и братьевъ-соперниковъ. Собрались всѣ они въ Вышеградѣ, заняли мѣста по сану и по ряду:

Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ главномъ сеймѣ;—
Вышли двѣ разумныя дѣвицы
Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой же мечь, каратель кривды;
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.—
Начала княжна такое слово
Съ золотаго отчаго престола:
«Гой вы, кметы, лехи и владыки!
Разрѣшите братьевъ по закону,
Разрѣшите братьевъ, что враждуютъ
Межъ собой за отчее наслѣдіе.—

Digitized by Google

. . . . . .

. . . . . .

Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
Коли вамъ по разуму придется,
А не то законъ поставьте новый,
Да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.»
Поклонились лехи и владыки,
И начали про это разговоры,
Разговоры тихіе межъ ними,
Въ похвалу рѣчей княжны Любуши.
Лютоборъ, что проживалъ далече
На камнѣ великомъ Доброславскомъ,
Всталъ и началъ къ ней такое слово:
«О княжна ты наша въ Вышеградѣ,
На златомъ отеческомъ престолѣ,
Мы твое рѣшенье разсудили;
Прикажи узнать народный голосъ.»
И тогда собрали по наказу
Дѣвы-судьи голоса народа,
И въ сосудъ священный положивши,
Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.
Радованъ отъ Каменнаго моста
Голоса народа перечислилъ,
И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:
«Сыновья враждующіе Клена!

. . . . . .

. . . . . .

Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла.»
Всталъ тутъ Хрудошъ отъ крутой Отавы,

Digitized by Google

Закипѣла желчь въ его утробѣ,
Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся
И, махнувъ могучею рукою,
Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль ехидна въ нихъ гнѣздо вотрется;
Горе мужу, если онъ попуститъ
Управлять собой женѣ строптивой!
Мужу должно обладать мужами;
Первородному идетъ наслѣдье!»
Поднялась Любуша на престолѣ
Молвя: «Кметы, лехи и владыки!
Мой позоръ свершился передъ вами,
Такъ творите-жъ судъ и правду
Межъ собою сами по закону:
Править вами не хочу я больше!
Изберите мужа, да пріиметъ
Власть надъ вами онъ рукой желѣзной,
А рукѣ моей, рукѣ дѣвичьей
Управлять мужами не подъ силу!»
Ратоборъ, что съ Керконошъ высокихъ,
Всталъ и началъ къ вѣчу: «не хвально
Судъ и правду намъ искать у Нѣмцевъ:
По святымъ у насъ законамъ правда;
Принесли ту правду наши предки
Чрезъ три рѣки на эту землю.....

Не знаемъ какъ народная поэзія изобразила развязку событія; ее досказалъ намъ старый Козьма въ своей хроникѣ, во многомъ сходной съ пѣснію.

Digitized by Google

Онъ говоритъ, что обиженная Любуша сложила съ себя званіе правительницы и предложила Чехамъ избрать мужа, который княжилъ бы и владѣлъ ими. Народъ съ своей стороны объявилъ, что назоветъ княземъ того, кого она сама выберетъ въ мужья себѣ. Любуша указала на Пржемысла. «Мужъ этотъ, справедливо мужемъ за добродѣтели названный, заключаетъ свой разсказъ хронистъ, подчинилъ законамъ народъ необузданный, укротилъ его властію и вмѣстѣ съ Любушею (solus cum sola Lubussa) далъ Чехамъ права и законы, которыми они пользуются до нынѣ (83)».

Любуша умерла. Послѣдними словами ея было предвѣщаніе судьбы новооснованной ею Праги. «И много-бъ еще говорила она, если бы не отлетѣлъ вѣщій духъ ея,» говоритъ Козьма (84).

Вѣщая Любуша открываетъ миѳологическій періодъ чешской исторіи; чудный образъ Ванды стоитъ въ началѣ польской исторіи, рисуясь въ какомъ-то поэтическомъ полусвѣтѣ.

Кракусъ основатель Кракова умеръ, оставя двухъ сыновей и одну дочь. Старшій сынъ наслѣдовалъ отцу, но былъ убитъ братомъ. Братоубійца умеръ безъ потомства. Изъ рода Кракуса остается одна Ванда, прозванная такъ потому, что удивительною красотою обольщала каждаго, кто только глядѣлъ на нее. Призванная общимъ голосомъ въ правительницы, она правила мудро, мирно и счастливо. Дорого цѣнила Ванда свою дѣвическую свободу и упорно отказывалась отъ

Digitized by Google

супружества, но молва о чудной красотѣ ея дошла до нѣмецкаго князя Риттигера. Ни мольбы, ни дары его не тронули Ванды; оружіемъ рѣшился онъ завоевать руку непреклонной красавицы и огромное войско привелъ въ Польшу: Ванда одна вышла на встрѣчу врагамъ, стала предъ ними во всемъ блескѣ чудной красоты своей,—и очарованные, ослѣпленные этою магическою красотою Нѣмцы не хотѣли сражаться и разбѣжались....— И воскликнулъ воспламененный страстію и негодованіемъ Риттигеръ: «Ванда повелѣваетъ землею, водою и воздухомъ..... Ванда приноситъ себя въ жертву за народъ свой! И я, о недостойные товарищи, обрекаю себя богамъ подземнымъ, да всѣ потомки ваши и потомки потомковъ вашихъ состарѣются подъ властію женщины!» Сказалъ, поразилъ себя мечемъ—и излетѣла на воздухъ раздраженная душа изъ крѣпкаго тѣла.....

Сбылось вѣщее слово Риттигера: торжествующая Ванда воротилась домой и, не желая утратить своей дѣвичьей свободы, не желая впредь за красоту свою подвергать народъ свой нападенію враговъ, бросилась съ высокой скалы въ рѣку Вислу..... (85).

Вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ намъ народная клехда женщину миѳологическаго древнѣйшаго періода чешской и польской жизни. Само собою разумѣется, что подобныя саги возбуждаютъ сильное сомнѣніе на счетъ ихъ правдоподобности и легко могутъ быть сочтены за сказки;

Digitized by Google

но вопросъ здѣсь состоитъ не въ дѣйствительности разсказа, а только въ истинѣ изображенія того вѣка, къ которому преданіе относится.

Сказанія о Любушѣ и Вандѣ-правительницахъ народа показываютъ, что политическое значеніе женщины у древнихъ Чеховъ и Поляковъ основано было на томъ, что естественная кровная связь и семейное единство были основными началами ихъ общественнаго быта. А потому, при недостатнѣ мужескаго поколѣнія, оба народа охотнѣе передавали власть женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ чужеродцу. Впрочемъ въ словахъ, сказанныхъ Хрудошемъ Любушѣ, «мужи должны управлять мужами», и въ печальной катастрофѣ, окончившей правленіе Ванды, народъ воплотилъ кажется ту идею, что власть правительственная губитъ женщину и можетъ погубить народъ, признающій надъ собою власть эту. Потому-то, когда послѣ баснословнаго Попела пришлось Лехамъ дѣлать новый выборъ, народъ, по словамъ одной саги, положилъ избрать княземъ того, кто первый переправится изъ-за оз. Гопла,—*кромѣ женщинъ* (86).

Хотя дочери, какъ и всѣ члены семьи находились подъ властію главы семейства, былъ ли то отецъ, братъ или старшій родичь ихъ, но это не даетъ намъ права заключать, чтобы эта власть приковывала ихъ къ домашнему крову, запирала ихъ въ домѣ. Напротивъ, все заставляетъ насъ предполагать, что дѣвушка пользовалась особенною свободою и у Руссовъ и у Славянъ язычни-

Digitized by Google

ковъ. Мы только что представили двѣ женскія личности: одна предсѣдательствуетъ на сеймѣ, другая выступаетъ въ походъ противъ непріятеля. Но и внѣ этаго исключительнаго положенія дѣвушки у Славянъ никогда не были заперты. Уже Несторъ упоминаетъ о присутствіи ихъ на бѣсовскихъ игрищахъ, тоже говорятъ Гельмольдъ и Дитмаръ ([87]); впослѣдствіи мы увидимъ, что духовенство, преслѣдуя остатки языческихъ праздниковъ въ простомъ народѣ, нападало на соблазнъ, производимый присутствіемъ женъ и дѣвушекъ; наконецъ теперь въ простонародныхъ праздникахъ и обрядныхъ играхъ главныя роли играютъ дѣвушки. Всѣ почти хороводныя и святочныя пѣсни сложены для дѣвушекъ: если и встрѣтится изрѣдка игра, хороводъ, или пѣсня, въ которой замужняя играетъ какую нибудь роль, то эта роль самая грустная. Былины Владиміровскаго цикла, въ которыхъ сквозь наносные слои и византійскихъ, и христіанскихъ, и особенно татарскихъ красокъ, тускло просвѣчиваетъ старо-славянская языческая основа, былины эти вообще представляютъ дѣвушку въ положеніи гораздо болѣе независимомъ, чѣмъ то, въ какомъ она является впослѣдствіи и въ дѣйствительности, и въ правѣ, и въ поэзіи. Возьмите напр. эту Запаву Путятишну, которая, входя въ шатеръ Соловья Будимировича, говоритъ:

. . . . . я дѣвица на выданьѣ
Пришла-де сама за тебя свататься,

Digitized by Google

и вслѣдъ за тѣмъ

. . . они и помолвили:
Цѣловалися, миловалися,
Золотыми перстнями обмѣнялися (88).

Возьмите другую женскую личность этихъ же былинъ, въ образѣ которой также отражается ликъ славяно-русской язычницы. «На заповѣдныхъ лугахъ, куда ѣздилъ завсегда Владиміръ князь на охоту, стоитъ бѣлъ шатеръ. А въ томъ шатру опочиваетъ красна дѣвица, Настасья Королевишна.» Вотъ какъ былина разсказываетъ встрѣчу и бракъ ея съ Дунаемъ Ивановичемъ:

Молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго.—
Угодила стрѣла въ сыръ крековистый дубъ,
Изломала его въ черенья ножевые;
Бросилась дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая,
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ Дунай съ добра коня,
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,

Digitized by Google

. . . . . .
. . . . . .
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя;—
Втапоры дѣвица взмолилася:
«Гой еси ты удалой доброй молодецъ!
Не коли ты меня дѣвицу до смерти,
Я у батюшки, сударя, отпрошалася:
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ замужъ идти.»
А и туто Дунай сынъ Ивановичь
Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
Служилъ я Дунай во семи ордахъ,
Въ семи ордахъ, семи королямъ,
А не могъ себѣ нажить красныя дѣвицы,
Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
Обручницу сопротивницу.—
Тутъ они обручалися
Кругъ ракитова куста вѣнчалися;
А скоро ей приказъ отдалъ собиратися,
И обралъ у дѣвицы сбрую всю:
Куякъ и панцырь съ кольчугою;
Приказалъ онъ дѣвицѣ наряжатися
Въ простую эпанечку бѣлую,—
И поѣхали ко городу, ко Кіеву (89).

Разсказъ былины не противорѣчитъ тому, что говоритъ старый Козьма о состоянія дѣвушекъ

Digitized by Google

въ VIII вѣкѣ: «въ тѣ времена дѣвы въ землѣ чешской возрастали на волѣ, упражнялись въ военномъ дѣлѣ подобно амазонкамъ, избирали себѣ предводительницъ и подобно юношамъ ходили на войну и охоту, вооруженныя луками и стрѣлами. Однимъ словомъ образъ жизни мужчинъ и женщинъ въ то время былъ совершенно одинаковъ» (90). По смерти Любуши саги богемскія помѣщаютъ разсказъ о томъ, какъ чешскія дѣвушки, подъ начальствомъ Власты, вздумали было отстоять независимость своего пола. Преданіе это у позднѣйшихъ хронистовъ украшено разными романическими подробностями ихъ собственнаго изобрѣтенія;—Козьма передаетъ намъ его во всей древнѣйшей краткости, наивности и неопредѣленности.

«До такой степени возрасла смѣлость дѣвушекъ, что онѣ построили себѣ недалеко отъ Праги на одной скалѣ городъ, укрѣпленный самою природою, и дали городу своему дѣвственное имя Дѣвинъ. Видя это юноши, страшно раздраженные, построили и себѣ на противоположной скалѣ среди лѣса городъ, который назвали Тростенъ, отъ кустарниковъ, вокругъ его росшихъ (а теперь называется онъ Вышеградомъ).—И съ тѣхъ поръ бывало то дѣвушки обольщаютъ юношей ловкостію то юноши одолѣваютъ дѣвушекъ силою; и живутъ они бывало то въ мирѣ, то въ войнѣ между собою. Однажды, заключивши миръ, вздумали обѣ стороны сойтись въ опредѣленномъ мѣ-

Digitized by Google

стѣ безъ оружія и учредить здѣсь трехдневное пиршество. Что же сталось? Вступаютъ юноши въ бесѣду съ дѣвушками, словно хищные волки входятъ въ овчарни, алкая пищи. Первый день проходитъ очень весело, пили и ѣли вдоволь. И никакъ не могли юноши оторваться отъ попойки: чѣмъ болѣе пили, тѣмъ болѣе жаждали, и такъ пропировали до сумерекъ. Настала ночь, на ясномъ небѣ мерцала луна.... Вдругъ одинъ юноша затрубилъ въ рогъ и закричалъ къ товарищамъ: полно ѣсть, полно пить! Возстаньте! Зоветъ васъ любовь!» И въ одинъ мигъ бросаются юноши на дѣвушекъ и похищаютъ ихъ. На утро помирились. Съ тѣхъ поръ женщины въ землѣ нашей стали мужчинамъ подвластны (94).» Наконецъ сравните съ нашею Настасіею женщину норманнскую, какъ изображаютъ ее Нибелунги. «За далекими морями господствовала царица; по общему признанію ей не было подобной: росту была она необыкновеннаго, и могуча была сила мышцъ ея; она вызывала всѣхъ искателей любви ея помѣрять съ нею силы въ бою на копьяхъ. Далеко бросала она копье, быстра была она въ бѣгу. Кто молилъ ее о любви, долженъ былъ въ трехъ потѣшныхъ играхъ одержать верхъ надъ благородною дѣвою; разъ побѣжденный онъ платилъ головою..... Она метала громадные камни также легко, какъ и копье свое. Однажды два героя были сбиты ею . . . Гюнтеръ метнулъ копье въ свою очередь и только древкомъ его коснулся героини. Она падаетъ, но тотчасъ

Digitized by Google

встаетъ и говоритъ: «благодарю благородный витязь за ударъ»!

Но не такъ легко досталося побѣдителю Брунегильды Гюнтеру обладаніе побѣжденною дѣвою, какъ нашему Дунаю: сопротивленіе воинственной Норманки продолжается послѣ брака:

«Бракъ совершился,—вечеромъ Брунегильда отходитъ въ брачный покой. Входитъ Гюнтеръ. Она стоитъ предъ ложемъ, одѣтая въ бѣлыя вѣнчальныя одежды.—«Наконецъ я обладатель этаго, давно желаннаго сокровища! говоритъ витязь и, погасивъ свѣтильники, смѣло подступаетъ къ гордой Брунегильдѣ.—«Назадъ благородный витязь! говоритъ она ему, я хочу остаться госпожею надъ собою.» Распаленный страстію и гнѣвомъ, бросается владыка Рейна на мужественную дѣву и раздираетъ бѣлые покровы ея. При этой обидѣ, гордая и стыдливая красавица съ геройскою силою срываетъ съ себя поясъ, бросаетса на Гюнтера, связываетъ его по рукамъ и ногамъ и привязываетъ къ огромному гвоздю, вбитому въ стѣнѣ. И половину ночи: онъ умиралъ отъ стыда,—она, по временамъ обращаясь къ нему, говорила:

«Ну что же сиръ, хочешь ли ты, чтобы дружинники твои застали тебя связаннаго руками женщины?—«Развяжи эти узы, отвѣчаетъ ей Гюнтеръ, и, если насиліе мое оскорбило тебя, руки мои не коснутся даже одеждъ твоихъ безъ твоего позволенія». Она развязала его, онъ легъ на ложе, но такъ далеко отъ нея, что едва могъ видѣть верхъ

Digitized by Google

бѣлаго покрова. Такова была воля ея. На утро пришла прислуга съ новыми одеждами для новобрачныхъ. Но король былъ смутенъ и задумчивъ— онъ ожидалъ ночи. Ночь наступила. Онъ запираетъ двери, опускаетъ крѣпкіе запоры и бросается къ Брунегильдѣ.—«Не пристало владѣть женщиною тебѣ, который слабѣе женщины!» говоритъ она и отталкиваетъ его. Но витязь могучій схватываетъ за руки гордую дѣву и заставляетъ ее склониться предъ собою.... Борьба кончилась. «О властитель! говоритъ она ему,—я твоя: ты заслужилъ меня, за тѣмъ что побѣдилъ меня. Не противлюсь болѣе твоей благородной любви: ты достоинъ быть моимъ властелиномъ ([92])!»

Раззуваніе мужа и самосожженіе на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ его—вотъ начало и конецъ жизни замужней женщины у Славянъ и Руссовъ! Можно судить, что не весела была и самая жизнь. Если мы будемъ цѣнить нравственное достоинство стародавняго быта съ точки зрѣнія субъективной, если будемъ мѣрять тогдашняго человѣка по идеямъ современнаго, христіански образованнаго общества; то въ высшей степени грубымъ и морально униженнымъ является намъ состояніе женщины при господствѣ общихъ браковъ (connubia communia). Но если бы можно было стать на точку зрѣнія Славянина V и VI вѣка, то мы нашли бы, что при общеніи женъ все-таки менѣе страдаетъ женщина, чѣмъ въ полигаміи: тамъ она, во первыхъ пользуется нѣкоторою свободою, хотя

Digitized by Google

вовсе не женственною и дикою, во вторыхъ сохраняетъ нѣкоторое равенство по отношенію къ мужчинѣ, наконецъ въ третьихъ она не переходитъ въ чужой родъ. Въ полигаміи наоборотъ, вступая въ домъ мужа, своего господина, она встрѣчала или готовилась встрѣтить рядъ соперницъ, никогда не могла надѣяться на исключительную привязанность мужа, теряла свою свободу и въ замѣнъ ея ничего не пріобрѣтала. Наконецъ она переходила въ чужой родъ, въ чужое семейство. Въ семействѣ же мужа женщина никогда не могла надѣяться на такое обращеніе, какое видѣла въ семействѣ отца. Это очень естественно: какъ ни грубо и матеріально чувствуются въ неразвитомъ обществѣ кровныя связи, но все-таки гораздо человѣчнѣе бываютъ отношенія родителей къ дѣтямъ, основанныя на родственныхъ чувствахъ, чѣмъ отношенія мужа къ своимъ женамъ и наложницамъ, основанныя, у полудикаря, частію на однихъ чувственныхъ, половыхъ потребностяхъ, а частію на матеріальной необходимости имѣть хозяйку-работницу. Мы уже сказали, что женщина, какъ дочь и сестра, не была рабою ни лично отца, ни лично братьевъ, потому что принадлежала къ роду, къ семьѣ, къ домочадцамъ, къ милымъ ближникамъ,—была своя въ семьѣ. Но выходя замужъ, она переходила въ другой родъ, гдѣ всѣ домочадцы были ей чужіе, и смотрѣли на нее, какъ на чужую. Инстинктивно сознаваемыя узы крови не связывали ее съ родственниками ея

Digitized by Google

мужа. Напрасно сваха прельщаетъ невѣсту, говоря, что чужая сторонушка сахаромъ изнасѣяна, сытою поливана; мать обличаетъ обманщицу и подговорщицу:

Ты полно обманщица,
Ты полно подговорщица!
Я сама знаю чужую сторону,
Чужедальную, незнакомую;
Ужъ какъ чужая-то сторонушка
Горемъ вся изнасѣяна,
Она слезами поливана,
Печалью огорожена (93).

Мать говоритъ по опыту, она извѣдала уже, что

Чужіе люди
Ровно темный лѣсъ,
Безъ морова сердце вызябнетъ.
Во чужихъ людяхъ будь
И покорна и повольна (94).

Въ чужомъ роду-племени не то, что въ родимой семьѣ:

Ужъ не быть тебѣ свѣча,
Противъ солнечна луча!
Ужъ не быть тебѣ свекру,
Противъ батюшки роднаго!
Ужъ не быть тебѣ свекрови,
Противъ матушки родной!
Ужъ не быть тебѣ деверю,
Противъ братца родимаго!
Ужъ не быть тебѣ золовка,
Противъ сестрицы родимой! (95).

Digitized by Google

И потому-то говоритъ молодая своимъ подругамъ:

Покрасуйтеся подруженьки,
Покрасуйтеся любезныя!
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки;
А я горькая горемычная,
Я уже открасовалася,
Отшутила я съ вами
Всѣ шутки шутливыя (96).

Особенно горькими жалобами наполненны всѣ наши пѣсни противъ свекра и свекрови: они кажется дѣлались *лютыми* врагами молодой (97).

Многое изъ быта современнаго простонародья убѣждаетъ насъ въ томъ, что jus primæ noctis существовало у нашихъ предковъ-язычниковъ, какъ фактъ, какъ страшная дѣйствительность, подъ именемъ *княжаго*. Оно было въ числѣ тѣхъ даней, которыя составляли права норманскихъ нашихъ володѣтелей. Ольга первая, если не вездѣ, то въ своей вѣновой волости, отмѣнила унизительный для ея пола обычай, замѣнивъ его податью, извѣстною подъ разными именами: куничной, свадебной, повалешной, новоженной, повѣнечной (98).

Императоръ Маврикій (VI в.) говоритъ о дунайскихъ Славянахъ: «жены у нихъ выше всего хранятъ вѣрность къ мужьямъ, такъ что многія изъ нихъ утѣшаются въ смерти мужей только собственною смертію и убиваютъ сами себя, лишь бы не горевать въ одиночествѣ (99).» Св. Бонифацій, (VII в.) въ письмѣ къ англійскому королю Этель-

Digitized by Google

бальду, говоритъ, что у балтійскихъ Славянъ жена по смерти мужа не хочетъ жить, и чрезвычайной похвалы удостоивается у нихъ жена, которая сама себя убиваетъ, чтобы сгорѣть на одномъ кострѣ съ мужемъ (100). Тоже говоритъ Дитмаръ мерзебургскій о Полькахъ (101). Но гораздо подробнѣе изображенъ этотъ обычай у Ибнъ-Фоцлана, при описаніи погребенія у видѣнныхъ имъ на Волгѣ Руссовъ. Вотъ слова его: «по смерти знатнаго мужа родные спрашиваютъ у его отроковъ: кто изъ васъ хочетъ умереть съ нимъ! одинъ изъ нихъ отвѣчаетъ: я! Послѣ чего спрашиваютъ у его дѣвушекъ: кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ? одна говоритъ: я! Тогда приставляютъ къ ней двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть ей ноги, а родные начинаютъ кроить платье умершему и готовить все нужное. Между тѣмъ дѣвушка всякій день пьетъ, ѣстъ и веселится. Когда насталъ день ея сожженія, продолжаетъ Ибнъ-Фоцланъ, я пошелъ на рѣку къ ладьѣ умершаго. Это было въ пятницу послѣ обѣда. Дѣвушку подвели къ чему-то, сдѣланному на подобіе колодезнаго сруба: она стала на руки мужчинъ, заглянула въ срубъ и произнесла какія-то слова. Ее спустили съ рукъ, и снова подвели въ другой и въ третій разъ. Ей подали пѣтуха; отрѣзавъ ему голову, она кинула его, а другіе, взявъ его, бросили въ ладью. Я требовалъ объясненія. Въ первый разъ, отвѣчалъ мнѣ переводчикъ, дѣвушка сказала: «вижу здѣсь отца и мать мою.» Во вто-

Digitized by Google

рой разъ сказала: «теперь вижу всѣхъ моихъ родственниковъ.» Въ третій: «тамъ господинъ мой. Онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, пустите меня къ нему!» Ее подвели къ ладьѣ. Она сняла съ себя запястье и отдала старухѣ, называемой ангеломъ смерти; снявъ и кольца съ ногъ, отдала ихъ другимъ двумъ дѣвушкамъ, которыхъ называютъ дочерями ангела смерти. Послѣ чего взнесли дѣвушку на ладью и ввели въ сдѣланную тамъ комнату. Пришли мужчины со щитами и палицами и дали ей стаканъ меду. Она взяла его, запѣла и выпила. Переводчикъ сказалъ мнѣ: это въ знакъ прощанія съ ея милыми. Ей дали другой стаканъ: она, взявъ его, запѣла длинную пѣсню; но старуха велѣла ей скорѣе выпить и войти въ комнату, гдѣ лежалъ господинъ ея. Дѣвушка перемѣнилась въ лицѣ и не хотѣла итти. Старуха схватила ее за голову, втащила въ комнату и сама вошла съ нею. Тутъ мужчины начали бить палицами въ щиты, чтобы другія дѣвушки не слыхали ея крика и не устрашились бы также умирать нѣкогда вмѣстѣ съ ихъ господами. Послѣ этого вошли въ комнату шесть мужчинъ для совокупленія съ нею.. Наконецъ положили дѣвушку возлѣ умершаго господина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки, а старуха — ангелъ смерти — надѣла ей петлю на шею и подала веревку двумъ остальнымъ мужчинамъ, чтобы тянуть за нее, взяла широкій ножъ

Digitized by Google

и вонзила въ бокъ между ребрами, а мужчины тянули за веревку, пока дѣвушка испустила духъ. Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, пошелъ къ ладьѣ и зажегъ лежащія подъ нею дрова. Другіе пришли также съ пылающими отрубками и бросили ихъ на костеръ. Вскорѣ все запылало: костеръ, ладья, комната, тѣло господина и дѣвушки и все бывшее въ ладьѣ. Въ туже минуту подулъ сильный вѣтеръ и пламя разширилось..... (102).»

Сѣверныя саги представляютъ намъ нѣсколько примѣровъ подобнаго самосожженія. Брунегильда (поется въ Эддѣ) стала на кострѣ около трупа Сигурдова и сказала: «положите между мною и имъ острый мечь, мечь, украшенный золотомъ, мечь, который положенъ былъ между нами въ то время, когда мы возлегли на брачномъ ложѣ и когда насъ назвали сладкимъ именемъ супруговъ» (103). Впрочемъ есть поводъ думать, что у Норманновъ это самосожженіе вдовъ требовалось закономъ, тогда какъ у Славянъ оно было добровольнымъ и едва ли строго исполнялось (104). На это мы имѣемъ доказательство въ договорѣ Олеговомъ, гдѣ женѣ убійцы, который долженъ умереть, обезпечивается законная часть имѣнія (105). Еслибы сожженіе вдовъ строго соблюдалось, то почему наши лѣтописи молчатъ объ немъ? почему наше духовенство не нападаетъ на него?...

Идея о приданномъ, какъ отдѣльной собственности жены, не могла жить въ народѣ, котораго весь бытъ былъ проникнутъ общинно-родовымъ

Digitized by Google

устройствомъ. Приданное при жизни мужа переходило во владѣніе рода и мужъ въ качествѣ главы управлялъ имъ; но вдовѣ искони предоставлена была нѣкоторая часть въ имуществѣ мужа, слагавшаяся вѣроятно изъ приданнаго и вѣна. Неприкосновенность этой вдовьей части, въ случаѣ преступленія мужа, какъ мы только что сказали, гарантирована въ договорѣ Олега съ Греками, которымъ имѣніе бѣжавшаго убійцы отдавалось родственникамъ убитаго, выключая женину часть.

На замужней, если она была послѣднею въ родѣ, лежала обязанность мстить кровью за смерть мужа. Преданіе передаетъ намъ чудесный разсказъ о томъ, какъ хитрая Ольга мстила Древлянамъ за смерть Игоря. Разсказъ всѣмъ извѣстенъ.

Затворничество женъ не было въ обычаѣ у Славянъ. Гельмольдъ говоритъ о присутствіи Славянокъ при народныхъ празднествахъ ([106]). Изъ византійскихъ писателей мы знаемъ, что славяно-русскія жены сопровождали часто мужей на войну; много, говоритъ Левъ Діаконъ, нашли Греки на полѣ битвы труповъ женъ русскихъ, лежавшихъ около труповъ мужей ихъ ([107]). Преданіе объ Амазонкахъ нельзя считать за чистый вымыслъ: въ немъ, какъ сквозь давно забытый сонъ, слышится воспоминаніе о воинственномъ характерѣ Славянокъ. Отголосокъ его сохранился въ чешской легендѣ о войнѣ дѣвушекъ съ мужчинами, отголосокъ его чуется въ слѣдующей народной легендѣ о Перепетовомъ курганѣ (Василь-

Digitized by Google

ковскаго уѣзда, въ 60 верстахъ отъ Кіева). «Въ незапамятныя времена, въ окрестностяхъ Кіева жилъ предводитель невѣдомаго народа Перепетъ. Однажды, услышавъ о приближеніи непріятеля къ своимъ областямъ, онъ собралъ дружину и, оставивъ женѣ управленіе, отправился противъ непріятеля. Жена долго не получала никакихъ извѣстій, наконецъ увидѣла сонъ, предвѣщающій погибель ея мужа. Чтобы спасти мужа или отмстить за его смерть, она собрала войско и отправилась по слѣдамъ мужа. Рано утромъ, когда туманъ покрывалъ поля, она встрѣчаетъ какое-то войско. Принявъ его за непріятельское войско, убившее ея мужа и истребившее его дружины, она нападаетъ съ яростію и, въ первомъ пылу сраженія, убиваетъ своего мужа. Послѣ сраженія, узнавъ свою ошибку, жена Перепета съ отчаянія сама лишила себя жизни. Дружины насыпали надъ ихъ тѣлами двѣ высокія могилы и назвали одну изъ нихъ Перепетомъ, другую Перепетовкою» (108).

Былины Владиміровскаго цикла, въ которыхъ жена также часто терпитъ отъ произвола и силы мужа и которыя въ этомъ согласны съ духомъ всей нашей народной поэзіи, между прочимъ рисуютъ и другую сторону жизни замужней женщины. Снимите съ изображенныхъ въ этихъ былинахъ личностей грязныя и сальныя краски, набросанныя на нихъ въ грязную годину татарщины—и вы увидите сурово-воинственный, но тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе поэтическій ликъ славяно-русской жены языческаго періода. Вотъ таже Настасья Королевишна, которую мы видѣли дѣвушкою,—вотъ она какъ жена:

У князя у Владиміра у солнышка Сеславьевича
Была пирушка веселая,
Тутъ пьяной Дунай расхвастался,
Что нѣтъ противъ меня въ Кіевѣ такова стрѣльца.
Что возговоритъ молода княгиня Апраксѣевна:
«Что гой еси ты любимой мой зятюшка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
Что нѣту де во Кіевѣ такова стрѣльца,
Какъ любезной сестрицы моей Настасьи Королевишны».
Тутъ Дунаю за бѣду стало,—
Бросали они жеребья,
Кому прежде изъ туга лука стрѣлять,—
И досталось стрѣлять его молодой женѣ
Настасьѣ Королевишнѣ,
А Дунаю досталось на главѣ золото кольцо держать;
Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячну,
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо;
Вытягала Настасья калену стрѣлу,
Спѣла де тетивка у туга лука,
Сшибла съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою.
Втѣпоры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену;
Стала княгиня Апраксѣевна его уговаривати:

Digitized by Google

«Ай и ты гой еси любимый мой зятюшка
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
То вѣдь шуточка пошучена».
Да говорила же его и молода жена:
«Оставимъ де стрѣлять до другаго дня,
Есть де въ утробѣ у меня могучь богатырь;
Первой де стрѣлой не дострѣлишь,
А другой де перестрѣлишь,
А третьею де стрѣлкою въ меня угодишь».
Втапоры князи и бояра
И всѣ сильны могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.
Втапоры Дунай озадорился,
Становилъ стоять молоду жену;
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися и предъ нимъ убиватися:
«Гой еси ты мой любезный ладушка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
Оставь шутку на три дни,
Хошъ не для меня, но для своего сына нерож-
деннаго,
Завтра рожу тебѣ богатыря,
Что не будетъ ему сопротивника».
Тому-то Дунай не повѣровалъ,
Становилъ свою молоду жену
На мету съ золотымъ кольцомъ,—
И велѣлъ ей держать кольцо на буйной главѣ;—
Стрѣлялъ Дунай за цѣлу версту изъ туга лука
А и первой стрѣлой онъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлой перестрѣлилъ,

Digitized by Google

А третьею стрѣлою въ ее угодилъ.
Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ,
Выдергивалъ чингалище булатное,
Скоро споролъ ей груди бѣлыя,—
Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
«Гой еси сударь мой батюшка!
Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе
И полутчѣе въ семь семерицъ тебя».
А и тутъ молодой Дунай запечалился
Ткнулъ себя чингалищемъ во бѣлы груди,
Сгоряча онъ бросился во быстру рѣку.
Потому быстра рѣка Дунай словетъ—
Своимъ устьемъ впала въ сине море.—
А и то старина, то и дѣянье (109)!

Гораздо грандіознѣе личность жены Ставра, которая, узнавъ о заключеніи мужа и о грозной судьбѣ, ожидающей ее саму по повелѣнію князя Владиміра, переряжается посломъ чужеземнымъ и идетъ на выручку мужа въ стольный Кіевъ градъ. Какъ узналъ князь что ѣдетъ къ нему посолъ за данью,

Грозенъ посолъ Василій Ивановичъ,
А и тутъ больно князь запечалился.

и вотъ:

...пріѣхалъ онъ посолъ на княженецкій дворъ;
Они скоро поскакали со добрыхъ коней—
А идутъ во гридни во свѣтлыя;—
Вывела княгиня князя за собой,

Digitized by Google

Молвила словечко тихохонько:
«Ня о чемъ ты, осударь, не печалуйся,
А не быть тому грозному послу Василію Ивановичу,
Быть Ставровой молодой женѣ;
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Она по двору идетъ, будто уточка плыветъ,
А по горенкѣ идетъ, частенько ступаетъ,
А на лавицу садится, колѣнца жметъ,—
А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,
Дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ».

Не довѣряя словамъ княгини, Владиміръ князь рѣшился провѣдать: точно ли посолъ женщина?— Сначала онъ предложилъ ей борьбу съ могучими богатырями, удалыми борцами; но жена Ставра, даромъ что у ней ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,

Первому борцу изъ плеча руку выдернетъ,
А другому борцу ногу выломитъ,
Она третьяго хватала поперегъ хребта,
Ушибла его середи двора.

Испуганный князь назначаетъ второе испытаніе: заставляетъ посла изъ туга лука стрѣлять со своими могучими богатырями. Пошатнулись сыры дубы отъ стрѣльбы двѣнадцати богатырей, будто отъ погоды сильныя; но не оробѣла удалая жена Ставра и говоритъ князю:

«Гой еси Владиміръ князь!
Не надо мнѣ эти луки богатырскіе;
Есть у меня лучонко волокитной

Digitized by Google

Съ которымъ я ѣзжу по чисту полю».
Втапоры кинулися ея удалы добры молодцы
Подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ 30 человѣкъ;
И говоритъ князю таково слово:
«Что потѣшить-де тебя князя Владиміра?»
Беретъ она во ту рученьку лѣвую
И беретъ стрѣлу каленую,
Та была стрѣлка булатная,—
Вытягала лукъ за ухо,
Хлеснетъ по сыру дубу,
Изломала его въ черенья ножевыя,—
Спѣла тетивка у туга лука;—
И Владиміръ князь окарачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые;—
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила во сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья ножевыя.—
И говорилъ посолъ таково слово:
«Не жаль мнѣ сыра дуба кряковистаго,
Только жаль мнѣ своей калены стрѣлы—
Никому не найти во чистомъ полѣ» (110).

Есть и другая мрачная и грязная сторона въ женскихъ личностяхъ былинъ Владиміровскихъ: эта сторона выражается въ поступкахъ чародѣйки Марины Игнатьевны и развратной княгини Апраксѣевны, которыхъ былина честитъ прозвищемъ волочаекъ.

Digitized by Google

Въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, даже въ языческомъ быту Руси, является женщина какъ *мать.* Теряя свою дѣвическую волю, при выходѣ замужъ, подчиняясь въ новой семьѣ, какъ жена, не только власти мужа, но и его родственниковъ,— женщина, какъ мать, сама дѣлалась главою семьи, теряла значеніе чужой и пріобрѣтала власть, какой прежде не имѣла. Она при жизни мужа раздѣляла съ нимъ попеченія о дѣтяхъ, управленіе домомъ и челядинцами. По смерти его была естественною опекуншею дѣтей и, при недостаткѣ взрослаго мужескаго поколѣнія, становилась представительницею рода—полною, если мужчинъ вовсе не было, неполною, если были мужчины, но малолѣтніе. Въ былинахъ русскихъ людей личности матерей ни сколько не запятнаны тою грязью, какъ личности женъ. Величавый образъ матерой вдовы, Амелфы Тимофеевны, чтимой и уважаемой неугомоннымъ Ваською Буслаевымъ, отзывается старославянскою семейственностію (111).

Мудрая Ольга есть одна изъ любимыхъ народомъ личностей, и потому жизнь ея украшена народными преданіями, которыя собралъ и записалъ Несторъ. Въ этой княгинѣ Славянинъ и Руссъ сами видѣли и намъ представили идеалъ мудрой хозяйки, вѣрной жены и доброй, попечительной матери. По смерти мужа мать въ лицѣ Ольги является намъ естественною опекуншею малютки—сына. Несторъ не называетъ ее правительницею, но, сказавъ о смерти Игоря, просто гово-

Digitized by Google

воритъ: «Ольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ воевода бѣ Свѣнельдъ, тоже отець Мстишинъ». Далѣе лѣтописецъ устраняетъ ея личность вездѣ, гдѣ должно исполнять военную обязанность князя, и рѣзко выставляетъ ея дѣятельность въ тѣхъ только случаяхъ, въ которыхъ она исполняетъ обязанность опекунши. Въ первомъ случаѣ она вездѣ дѣйствуетъ отъ имени малолѣтняго князя, во второмъ—отъ себя. Такимъ образомъ она мститъ за мужа отъ своего лица, потому что, какъ мы уже замѣтили, женщина имѣла право мести. Убіеніемъ Древлянъ на могилѣ Игоря оканчивается собственно месть Ольги за мужа: и Несторъ сей-часъ за этимъ убіеніемъ ставитъ въ лѣтописи: «начало княженья Святославля». Усмиреніе Древлянъ было уже дѣломъ власти княжеской и потому оно производится въ присутствіи и отъ имени малолѣтняго князя. Покорившимся Древлянамъ Ольга говоритъ: «се уже есть покорилися мнѣ и моему дитяти». При обложеніи Древлянъ данью, Ольга отличаетъ дань для князя отъ дани для себя лично: «2 части дани идота Кіеву, а третья Вышгороду къ Ользѣ, бѣ бо Вышгородъ градъ Вользинъ». Наконецъ, при уставленіи даней и уроковъ, опять присутствіе Святослава намекаетъ, что Ольга все дѣлала отъ имени князя: «и иде Вольга по деревстѣй землѣ съ сыномъ своимъ и съ дружиною уставляющи дани и уроки». Только у сѣверныхъ колѣнъ, гдѣ все было мирно, Ольга

Digitized by Google

дѣйствуетъ сама, устроя, какъ добрая хозяйка, имѣніе своего сына. Любуша и Ванда были полными представительницами власти родоначальника, потому что все мужеское поколѣніе Кракусовъ вымерло. Ольга была только опекуншею сына, потому что представителемъ рода былъ Святославъ, и тамъ, гдѣ онъ можетъ дѣйствовать отъ себя, тамъ бросаетъ первое копье, а Свѣнельдъ кричитъ дружинѣ: «потягнемъ дружино! князь бо уже началъ»! Но вотъ этотъ князь съ лѣтами получаетъ возможность отправлять, кромѣ военныхъ, и прочія обязанности князя,—и Ольга передаетъ ему право чинить рядъ въ землѣ, которую она, какъ добрая хозяйка, прекрасно устроила: «и взрядивши возвратися къ сыну своему, Кіеву, и пребываше съ нимъ въ любви».

Сдѣлавшись христіанкою, Ольга просьбами и увѣщаніями старалась обратить своего воинственнаго сына къ христіанству. Просьбы и увѣщанія, какъ извѣстно, были напрасны: сынъ «не принималъ въ уши» словъ матери, а Ольга, по выраженію лѣтописца, «кормящи сына своего только до мужества его и до взраста его». Матери оставалось только «молиться за сына и люди по вся нощи и дни». Она обратила свою заботливость на воспитаніе малолѣтнихъ внуковъ своихъ; надъ ними она имѣла власть домохозяйки и есть поводъ думать, что наставленія ея не пропали даромъ: любимцы ея Ярополкъ и Олегъ едвали не были въ душѣ христіане. Только на Владиміра увѣща-

Digitized by Google

нія бабки не дѣйствовали: причиною этого чуть ли не было вліяніе его матери Малуши, которую потому Ольга въ гнѣвѣ сослала въ с. Будишино.

И вотъ, между тѣмъ какъ удалой Святославъ «легко ходя аки пардусъ, войны многи творяше,»— его мать, его дѣтей едва не постигла бѣда въ Кіевѣ отъ Печенѣговъ. Отстоявъ кое-какъ и городъ и семейство княжее, Кіевляне посылаютъ къ Святославу напомнить долгъ князя и сына: «чужихъ земель ищешь, а о своей позабылъ; развѣ не жаль тебѣ отчины своей, старой матери и дѣтей!»—«То слышавъ Святославъ вборзе сѣде на конѣ съ дружиною своею, приде Кіеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя..... и собра вои и прогна Печенѣги въ полѣ,—и бысть миръ».

Но не любилъ мира удалой князь: рвалась душа его изъ Кіева въ среду земли своей, на Дунай... Тогда больная мать заговорила въ послѣдній разъ не князю, но сыну: «ты хочешь оставить меня больную! Похорони меня и тогда иди куда хочешь». И Святославъ, отказавшій когда-то матери, какъ князь, во имя дружины, перемѣнить на христіанство обычай и законъ отцовъ своихъ,—теперь, какъ сынъ, повинуясь тому же закону отцевъ, не смѣлъ отказать матери въ исполненіи послѣдней воли ея. Не долго впрочемъ ждалъ онъ: чрезъ три дня умерла Ольга, «и плакалъ по ней сынъ ея и внуки ея и люди всѣ плачемъ великимъ. И предтекла она (христіанству) въ землѣ

Digitized by Google

нашей, какъ денница предъ солнцемъ, какъ заря предъ свѣтомъ»—говоритъ лѣтописецъ.

Стоитъ она на рубежѣ двухъ періодовъ въ исторіи русской женщины. Въ первой языческой половинѣ ея жизни, правда жизни грубой, почти неженственной, ей доступно общество, хотя оно еще не развилось выше семьи, она имѣетъ на него сильное, прямое вліяніе;—уединенію, молитвѣ и воспитанію внуковъ посвящена остальная жизнь Ольги христіанки. Первою половиною жизни она примыкаетъ къ міру языческому; во второй — она заря-предвозвѣстница положенія русской женщины-христіанки.....

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Несторъ по Лавр. сп. стр. 4: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ».

Сказанное о Полянахъ Несторъ потомъ примѣняетъ къ другимъ колѣнамъ стр. 5: «и по сихъ братьи (Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане и т. д.»—Еще ниже: «и пришедъша сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

(2) Нест. Лавр. стр. 6.

(3) Scriptorum rerum Bohemicarum T. I. Cosmæ

Digitized by Google

Pragensis Chronicon Bohemorum pag. 8. «Felix nimium erat ætas illa, modico contenta sumptu nec tumido inflata fastu.... Ut solis splendor, vel aquæ humor sic arva et nemora, quin etiam et ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulas ad noctes novos probant hymeneos et surgente aurora trium gratiarum copulam et ferrea amoris rumpunt vincula, et ubi nox quemque occuparat, ibi fusus per herbam frondosæ arboris sub umbra dulces carpebat somnos».... Эти браки удержались долго послѣ введенія христіанства: объ нихъ упоминаетъ Козьма еще два раза. Подъ 1002 г., при разсказѣ о бракѣ Яроміра съ Бозіеною, говорится: tunc temporis, prout cuique placuit, binas vel ternas conjuges habere licuit: nec nefas fuit viro rapere alterius uxorem et uxori alterius nubere marito. Et quod nunc adscribitur pudori, hoc tunc fuit magno dedecori, si vir una conjuge aut conjunx uno viro contenti viverent. Vivebant enim quasi bruta animalia, connubia habentes communia стр. 72. Наконецъ подъ годомъ 1039 Брячиславъ, князь богемскій надъ гробомъ св. Войцѣха говоритъ къ народу: hoc meum maximum et primum sit decretum, ut vestra connubia, quæ hactenus, ut lupanaria ceu brutis animalibus communia, amodo juxta Canonum scita sint legitima, sint privata, sint insolubilia, ita duntaxat ut una vir conjuge et conjunx uno viro contenti vivant». стр. 110.

Digitized by Google

Вотъ что поетъ Забой (Краледвор. рк. перев. Берга. Москов. Сборн. 1846 г. стр. 222) о нападеніи Нѣмцевъ на Богемію въ 849 году:

«Нашъ отецъ ушелъ къ отцамъ
И дѣтей покинулъ малыхъ,
И подругъ своихъ покинулъ,
Не сказавши никому:
«Братъ поди поговори ты съ ними,
Какъ отецъ съ родимою семьею!
И пришелъ чужой въ предѣлы наши;
Зашумѣлъ на насъ чужою рѣчью,
. . . . . и каждому онъ мужу
По одной велѣлъ держать подругѣ
На пути съ Весны и до Моравы.
(Пѣсня о Забоѣ и Славоѣ).

([4]) Vita Othonis p. 62. Vos autem, qui usque ad hæc tempora non Christiani sed pagani fuistis, sacramentum conjugii non habuistis, quia fidem uni thoro non servastis, plures habuistis uxores; quod deinceps vobis non licebit. Тамъ же заповѣдь Оттона Поморянамъ: unusquisque contentus sit una uxore. II, 21. Въ Miracula St. Adalberti объ одномъ Поморянинѣ говорится: coepit cogitatio pulsare animum ejus de videndis pueris suis et uxoribus, quas duas habebat (у Перца VI. 613).

([5]) Maciejowsky: Pamiętniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Słowian 1839. T. I. стр. 233, прим. 15. приводитъ мѣста изъ акта 866, въ которомъ Болгаре спрашиваютъ Папу: si

Digitized by Google

liceat uno tempore habere duas uxores?

(6) Г. С. Бандтке: Исторія государства польскаго. пер. съ польск. Т. I. стр. 19.

(7) Въ жизни св. Гебгарда про Мстислава говорится: habebat autem septem uxores pro eo, quod in religione Christiana perfectus non fuerat, Тоже у Дитмара, въ Chronicon Polon. Lib. IV. Въ посланіи къ моравскому князю Коцелу Папа Іоаннъ VIII въ 877 г. предаетъ анаѳемѣ многоженцевъ. Cf. Boczek: Corp. diplom. Moraviæ I. 36, 37.

(8) Cf. Примѣч. 3.

(9) Рейцъ: Опытъ Ист. рос. госуд. и гражд. Зак. стр. 3, примѣч. 6. Слова Нестора о родственныхъ отношеніяхъ въ разныхъ спискахъ имѣютъ варіанты.

(10) Fræhn: Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit. s. 7. Adami Bremensis de situ Daniæ: «in sola mulierum copula modum nesciunt. Quisque secundum facultatem virium suarum duas aut tres vel amplius simul habet; divites et principes absque numero. p. 18 Ed. Elsevirana.

(11) Fræhn, ibid. s. 21.

(12) Ibid. s. 5.

(13) Нест. Лав. 6. про Полянъ: «брачные обычаи имѣяху: не хожаше женихъ (зять) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче»; про Древлянъ: «брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣ-

Digitized by Google

виця»; про Радимичей, Сѣверянъ, Вятичей и Кривичей: «браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены».

(14) Чт. въ Имп. О. И. и Д. Р. 1846, № 7 стр. 59—62 и дал. прим. къ 2-й главѣ.

(15) Бопланъ: Описаніе Украйны. Пер. съ Фран. Спб. 1832. стр. 71—73. «Любовь закрадывается иногда въ сердца простаго селянина и дѣвицы благородной: тутъ помогаетъ ей слѣдующій обычай. По деревнямъ Украйны, всякое воскресенье и всякій праздникъ, крестьяне, съ женами и дѣтьми, сбираются послѣ обѣда въ корчму; мужчины и замужнія женщины проводятъ время въ попойкѣ, а юноши и дѣвицы веселятся на лугу пляскою подъ дудку. Туда приходитъ обыкновенно помѣщикъ съ семействомъ своимъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ поселянъ; иногда же дозволяетъ имъ плясать предъ своими хоромами, гдѣ и самъ, съ супругою и съ дѣтьми, принимаетъ участіе въ танцахъ. Надобно замѣтить, что въ Украйнѣ и Подоліи деревни обыкновенно окружены лѣсочками съ тайниками, гдѣ лѣтомъ жители укрываются отъ хищныхъ Татаръ. Сіи лѣсочки занимаютъ добрую полумилю въ ширину. Хотя земледѣльцы считаются крѣпостными, однакожъ

Digitized by Google

изстари пользуются правомъ и свободою похищать во время пляски благородныхъ дѣвицъ, даже дочерей своего помѣщика. Но въ семъ случаѣ проворство и расторопность необходимы: похититель непремѣнно долженъ ускользнуть съ добычею въ сосѣдній лѣсочикъ и скрываться тамъ не менѣе 24 часовъ. Только тогда прощаютъ дерзкому; иначе пропала его головушка. Если увезенная дѣвица пожелаетъ вытти за него замужъ,—онъ обязанъ, подъ смертною казнью, жениться на ней; если же нѣтъ,—похититель свободенъ отъ наказанія; не расторопному, прежде истеченія сутокъ, безъ околичностей отсѣкаютъ голову. Впрочемъ въ 17 лѣтъ, проведенныхъ мною въ Украйнѣ, не случалось мнѣ ни разу слышать о такомъ похищеніи. Увести дѣвицу благородную слишкомъ опасно: чтобы похитить ее насильно въ глазахъ всего общества и скрыться съ нею, надобно имѣть добрыя ноги, и сверхъ того предварительное согласіе самой дѣвицы. Получить же ея согласіе довольно трудно: земледѣльцы впали теперь въ презрѣніе, а дворяне сдѣлались властолюбивѣе и надменнѣе. Вѣроятно, что право похищать благородныхъ дѣвицъ, дано было земледѣльцамъ въ то время, когда Поляки избирали въ короли того, кто быстрѣе всѣхъ умѣлъ бѣгать босикомъ, думая, что такой человѣкъ есть

Digitized by Google

самый храбрый и умный, какъ будто храбрость и умъ зависятъ отъ проворства и быстроты ногъ.»

(16) Терещенко: Бытъ рус. народа Т. II. стр. 28, 29. Въ Трудахъ Общ. люб. Р. Слов., въ статьѣ Макарова, «Русскіе праздники и преданія,» читаемъ: «въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи, особенно рязанской (т. е. землѣ Вятичей), 29 октября празднуютъ торжество Овечьяго праздника или «Овцарь». Съ ранняго утра до вечера раздаются на полѣ пѣсни и происходятъ игры и хороводы. И спросите потомъ крестьянина, задумавшаго женить сына, или выдать замужъ дочь: любятъ ли другъ друга женихъ и невѣста? онъ отвѣчаетъ: «какъ же кормилецъ! они на овцарѣ сошлись уже добрымъ словомъ; дѣвка и малый другъ друга знаютъ». Вотъ что говоритъ о свадьбахъ бѣлорусскихъ Мелетій, писатель XVI вѣка: apud Sydinos, Curonenses, Samogitas et Lithuanos nobiles puellæ . . . nec ducuntur, sed rapiuntur in matrimonium, veteri Lacædemoniorum more a Licurgo instituto. Rapiuntur autem non ab ipso sponso, sed a duobus sponsi cognatis. Ac postquam raptæ sunt, tunc primum requisito parentum consensu matrimonium contrahitur. — Cf. Epistola Meleti ad Georgium Sabinum de religione, sacrificiis veterum Borussorum. p. 182 въ Respublica Moscovitica. (Ed. Elsev.)

Digitized by Google

(17) Сахаровъ: Сказанія рус. народа. Томъ I. кн. III. стр. 45. № 55.

(18) Ibid. T. I. кн. IV. стр. 7. На дѣвохищеніе намекаютъ кажется и слѣдующія свадебныя пѣсни:

a) Государини свѣтъ мои,
Вы подружки голубушки!
. . . . . .
. . . . . .
Завтра объ эту пору,
Пораннѣе маленько,
Пріѣдутъ ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежемъ:
Что ограбятъ же батюшку
Да полонятъ мою матушку,
Поведутъ меня молоду
На чужую сторонушку.
(Бытъ рус. народа II, 254.)

b) Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,
Не бывать бы боярамъ, да понаѣхали,
Травушку муравушку притолочили,
Гусей, лебедей поразогнали,
Красныхъ дѣвушекъ поразослали,
Красну Анну душу въ полонъ взяли.

c) Ты взойди Анна душа на новы сѣни,
Ты взойди Михайловна да на новыя!
Посмотри душа Анна во чисто поле,
Посмотри Михайловна да во чистое:
Сколь силенъ ѣдетъ Иванъ та князь,
Сколь силенъ ѣдетъ Александровичъ!

Digitized by Google

По одну сторону 50 человѣкъ,
По другую сторону еще 50.
. . . . . .
Ѣдучи Иванъ та князь похваляется,
Ѣдучи Александровичъ похваляется:
Быть, быть шатру да разломанному,
Быть, быть камкѣ да разодранной,
Быть, быть Аннѣ душѣ во полонъ взятой,
Быть, быть Михайловнѣ во полонъ взятой.
(Снѣгиревъ: Рус. простонарод. праздники и суевѣрные обряды II. 177, 178.)

(19) Бытъ рус. народа II. 227.

(20) Jbidem II. 125, 178, 300, 332, 344, 354-356, 465, 479, 496, 517, 532.

(21) Cosmæ Chronicon Boh. p. 21. sq.

(22) Jbid. p. 81 sqq.

(23) Венелинъ: О характерѣ народной поэзіи у Славянъ задунайскихъ. Стр. 45. Здѣсь перечислены главнѣйшія изъ этихъ женидьбъ: женидьба Ивы Сѣнянина (въ 597 стих.), ж. Тодора Задранина (въ 650 стихахъ), ж. Краля Вукашина (305 стих.), ж. Царя Душана (690 ст.) и пр. Большая часть женидьбъ оканчивается трагически. Такова напр. женидьба Павла Плетикосы.

(24) Денница, издан. Добровскаго, на 1843 годъ № 2, стр. 116, въ статьѣ Срезневскаго «Жумборскіе Ускоки» между прочимъ встрѣчаемъ вотъ какой свадебный обрядъ: передъ вѣнчаньемъ женихъ съ почетнымъ кумомъ, двумя

Digitized by Google

деверями и многими сватами, всѣ съ ружьями, ѣдутъ верхомъ за невѣстой, ведя съ собою коня и для нея. Совершенно окутавъ лице ея платками и усадивши на коня верхомъ, везутъ ее въ церковь. Cf. также статью Попова: «законодательный бытъ Черногорья» въ Ж. М. Н. Просвѣщ. 1846 года. II. стр. 54 sq.

(25) Cf. Снѣгиревъ: Рус. простон. праздники IV. 120—131 и Michelet: Origines du droit français I. 25.

(26) Иванишевъ: Идея личности въ правѣ Богемскомъ и Скандинавскомъ, Ж. М. Н. П. 1841.

(27) Рядъ земскаго права земли чешской казнитъ похищеніе какъ насиліе и допускаетъ его при обоюдномъ согласіи, §. 84 и 85.

(28) Нест. Лав. стр. 81. Нест. Кенигеб. стр. 107.

(29) Кранихфельдъ: Начерт. рос. граж. законовъ стр. 11.

(30) Въ рядѣ земскаго права (Rad prawa zemskeho) въ статьяхъ о вѣнѣ (§§ 73, 75 и 76) не дѣлается никакого различія между вѣномъ, приданнымъ и имуществомъ, послѣ брака пріобрѣтеннымъ (parapherna): § 73. «Если кто женится, и потомъ мужъ или жена захочетъ зачать тяжбу о вѣнѣ, и если вѣно достанется по наслѣдству, то .... истецъ долженъ сослаться на доски (dsky zapisné), если въ нихъ записано его право на наслѣдство. § 75: «Каждая пани при жизни мужа съ каждымъ, кто провинится предъ нею, мо-

Digitized by Google

жетъ вести тяжбу о наслѣдственномъ вѣнѣ. § 76. . . . . если пани запишетъ мужу свое недвижимое имущество, или полученное въ вѣно, или заложенное ей, или наслѣдственное, а мужъ продастъ кому нибудь, то пани... можетъ дѣлать отпоръ».—Списано съ перевода, сдѣланнаго Г. Иванишевымъ въ его статьѣ: «Древнее право Чеховъ». стр. 43, 44.

Но въ толкованіи чешскаго права, написанномъ Андреемъ изъ Дубе, 1400 г. (Wyklad na prawo zemské) въ ст. Zaloba o zastawu wiennú (§ 20) сказано: Катерина изъ Мшанъ жалуется на Гиру изъ Ростока, что неправильно завладѣлъ ея вѣновымъ имуществомъ, сто гривнами сребра: jéž ji to striebro wienowab muž jejě Jan z Rostok. Cf. Древ. памят. славянскихъ законодательствъ, изд. Кухарскимъ. Варшава, 1838, стр. 356.—Въ сборникѣ Викторина изъ Вшеградъ (Victorina Cornelia ze Wšehrd knihy dewatery o práwiech a súdiech i o dskách země cěské) въ кн. V. § 6, 7 и 8 различается вѣно отъ приданнаго и подъ послѣднимъ разумѣются подарки мужа женѣ: § 7: Dskami zemskými wětšimi při wěně rozlicna se přidánie a milosti zěnám od mužów jich deji.... Cf. Staročeska Biblioteka стр. 209.

(31) Jus Polonicum edidit J. V. Bandtkie. Statuta Masoviæ. p. 430: Quod quotiescunque et quandocunque aliqua nobilis mulier, cujuscunque status et eminentiæ, dotem suam, alias «possak»,

Digitized by Google

vel dotalitium, alias «wiano» in villa sev hæreditate, vel portione sui mariti sibi assignatam, vel assignatum habuerit etc.

(32) Въ Сагѣ Олава Святаго Снорро Стурлезона: «пришли послы изъ Гольмгардіи просить о королевской дочери Ингигердѣ, которую въ прошломъ году Олавъ обѣщалъ дать въ замужество Ярислейфу. Дочь изъявила свое согласіе съ тѣмъ условіемъ, чтобы ей за вѣно предоставленъ былъ городъ Альдейгаборгъ съ принадлежащею областію.» Cf. Погодинъ: Истор. изслѣд. III. стр. 103.

(33) Нест. Лавр. 95. «бѣ бо Вышгородъ градъ Вользинъ».

(34) Codex juris Jslandorum antiquissimus, qui nominatur Gragas, ed. cum commentatione critica Schlegelius I. 370—«Mundr,»—munus sponsalitium, arrha quam sponsus sponsæ patri vel pronubo daret ad uxorem sibi proemendam. Cf. Jndex verbor. ad Gragam pertinentium p. 58.—Саксонъ Грамматикъ въ кн. V. стр. 88, свидѣтельствуетъ, что Фрото по обычаю Датчанъ (ex imitatione Danorum) приказалъ побѣжденнымъ Датчанамъ: ne quis uxorem nisi emptitiam duceret, venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat. Въ Сагахъ безпрестанно встрѣчается mundr какъ плата за невѣсту. Примѣры Cf. у Гримма: Deutsche Rechtsalterlhümer: p. 420 sqq; так-

Digitized by Google

же у Guisot: Hist. de la civil. en France. I, 237, édition de Bruxelles. —

(35) Дѣйствительно у Норманновъ даръ, даваемый женихомъ отцу невѣсты, назывался vingaef. Cf. Стрингольмъ II, 280. Погодинъ изъ vingaef производитъ наше вѣно: Изслѣдов. III, 418.

(36) Быт. рус. народа II, 188 и 189, 194, 201, 231.

(37) Jbid. II, 231, 232, 290.

(38) Jbid. II, 208, 232, 266, 602.

(39) Jbid. II, 343, 483, 583 (покупка мѣста у брата); 112, 132, 201, 344 (продажа косы); 349 (выкупъ постели).

(40) Кавелинъ въ критикѣ на Бытъ русскаго народа соч. Терещенка,—помѣщенной въ Современникѣ 1848 за декабрь.

(41) Таковы приведенные выше обряды рукобитья и выкупа постели: первый принадлежитъ жителямъ енисейской, второй жителямъ саратовской губерніи.

(42) Бытъ русскаго народа II, 8 и 9.

(43) Jbid. II, 264 (глядины нижегородской губерніи).

(44) Кавелинъ въ приведенной выше (прим. 40) статьѣ стр. 116.

(45) Снѣгиревъ: рус. простонарод. праздники IV, 184.

(46) Русская правда: аже будетъ сестра въ домоу, то отдадятъ ю братіи замоужъ како си мо-

Digitized by Google

гутъ. Въ изд. Калачева, спискѣ Карамзинскомъ, статья 107.

(47) Смотри выше прим. 30-е.

(48) Кромѣ приведеннаго выше въ прим. 31-мъ Cf. еще въ Statuta Casimiri III. §§ 106, 107, 128. въ его же Статутѣ второмъ вислицкомъ § 47; въ Statuta Wladislavi Jagellon: § 7. и много другихъ мѣстъ въ вышепреведенномъ сборникѣ Бандтке: jus polonicum.

(49) Законникъ сербскый Цара Стеѳана Душана. Статья 32. Тутъ вѣно и приданное тоже соединяются въ одномъ словѣ «пракиа» (prakija). Въ Древ. пам. слав. зак. Кухарскаго стр. 104.

(50) Бытъ рус. народа Том. II, въ разныхъ мѣстахъ.

(51) Нест. Лав. стр. 32.

(52) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer s. 155: mit einem in den Shuhe steigen. Впрочемъ этотъ обрядъ позднѣе вывелся въ Скандинавіи.

(53) Michelet: Origines du droit francais. p. 13. édit de Brux.

(54) Petrejus: histor. Bericht von dem Grossfürstenthums Moskau стр. 627—637 ed. Leipzig. 1620; извлеченіе у Терещенка: Бытъ рус. народа II, 91—95.

(55) Mauricii artis militaris libri XII ed. Schefferi. Cap. V. Jn sylvis et ad fluvios et paludes locusque aditu difficiles habitant.... Res suas necessarias

Digitized by Google

recondunt sub terra nihil superfluum palam possidentes..... Slavorum quippe atque Antum regiones cum ad flumina continuo sint sitæ, quæ se mutuo sic contingunt, ut inter ea nullum relinquatur spatium, quod sit memorabile sylvis aut paludibus aut arundinetis omnia complentibus, accidit fere in universum, ut qui expeditionem suscipiunt contra eos statim in limine regionis eorum consistere cogantur, cum cætera sint impervia et densissimis sylvis consita, in quibus facile exaudiunt in propinquo iter facientes, ideo celerrime effugiunt, qui accedere ad ipsos conantur.

(56) Срезневскій: Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ, въ Финск. вѣстникѣ 1847 год. № 9. II, 5.

(57) Бытъ рус. народа VII, 56.

(58) Кій, Щекъ и Хоривъ (съ сестрою Лыбедью) у Полянъ, Радимъ и Вятко у Радимичей и Вятичей, Чехъ и шесть его братьевъ у Чеховъ, Попеловичи и Пястовичи у Поляковъ— всѣ поселялись кождо съ родомъ своимъ и владѣли родами своими. Кромѣ приведенныхъ въ примѣч. 1-мъ словъ Нестора, вотъ рядъ свидѣтельствъ о родовомъ характерѣ славянскаго быта: 1., Lechitæ, qui nullum regem sev principem, inter se tamquam fratres et ab uno patre ortum habentes (Boguph: Chron. Polon, у Зомерберга въ Rerum silesiacar. scriptores II, 20); 2., Поморяне per sortes hæreditarias ruriculis et habitationibus dispartitæ sunt (Mar-

Digitized by Google

tin. Gall. Chron. 302). 3., Negno.... omnium Slavorum parens.... cum filiis, cognationibus et familiis suis consedit (Dlugosch. Hist. Pol. 5). 4., Когда умретъ глава дома, то дѣти всѣ вмѣстѣ управляютъ имѣніемъ и выбираютъ изъ рода своего владыку (Краледвор. рк. пѣснь о Сеймѣ.) 5., Есть земля, которой Хорвати названіе; въ оной землѣ былъ лехъ, котораго называли Чехъ. Этотъ Чехъ имѣлъ шесть братьевъ и потому имѣлъ силу и славу и отъ нихъ имѣлъ много челяди; и выбрался со всѣми изъ земли, которой имя было Хорвати, и пробирался отъ одного лѣсу до другаго, неся дѣтей своихъ на плечахъ (Хроника чешска въ найстарше чтенѣ. Извлеченія сдѣланы Анастасевичемъ въ трудахъ Моск. Об. люб. Истор. и Древн. V. 246 — 254). 6.) Principes hi populi habent nullos, præter suppanos, senes, seniores, majores natu (Constan. Porphyrog. de adm. imperii). 7., Nullum inter se dominum pati volunt (Adami Br. de situ Daniæ p. 15. въ Эльзев. сборникѣ de regno Daniæ tractatus varii). 8., Тѣ же слова повторяются у Гельмольда 1. c. 1.

(59) Cosmæ prag. Chron. Boh. p. 8.

(60) «Рядъ, рядить» - распоряженіе, распоряжать, въ этомъ же смыслѣ послѣднее распоряженіе т. е. завѣщаніе (аще умретъ безъ ряду); иногда значитъ договоръ (бѣ бо Святополкъ со Владиміромъ рядъ имѣлъ). У Поляковъ

Digitized by Google

«rada» — совѣтъ, слѣд. рядить предполагаетъ дѣйствіе домовладыки съобща съ домочадцами. Тотъ же смыслъ можно видѣть, мнѣ кажется, въ словахъ: владѣюще съ родомъ своимъ т. е. сонмомъ, вмѣстѣ, съобща.

(61) Краледв. рк. перев. Берга въ Моск. Сбор. 1846. стр. 279, пѣсня о сеймѣ:

И становятъ надъ собой владыку,
Что за нихъ на сеймы ходитъ.

(62) Jbid. стр. 222, въ пѣсни о Забоѣ и Славоѣ:

Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу,
Онъ (иноземецъ) посѣкъ священныя деревья,
И боговъ кумиры ниспровергнулъ.

(63) Сынъ отечества 1847 г. IV въ смѣси стр. 10—12.

(64) Костомаровъ: Славянская Миѳологія; стр. 39. Снѣгиревъ: Рус. праздники I, стр. 30.

(65) Массуди, у Френа стр. 317.

(66) Ибнъ-Фоцланъ у него же стр. 17—21.

(67) Cronica česka 47.

(68) Макаровъ: Пробные листки для исторіи русскихъ сказокъ.

(69) Краледв. рк. пѣсня о Любушиномъ судѣ. См. ниже въ самомъ разсужденіи она приведана почти вся въ переводѣ Берга. Въ русскихъ народныхъ заговорахъ, которые, сколько можно заключить изъ склада и содержанія ихъ, вѣроятно относятся къ глубокой

Digitized by Google

древности,—дѣвушкамъ приписывается способность хранить человѣка отъ злыхъ недуговъ и вообще отъ несчастій. — Такъ напр. въ одномъ изъ этихъ заговоровъ красная дѣвица такъ заговариваетъ недугъ полюбовнаго молодца: «пошла» я ко Окіанъ морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ моря узрѣла и усмотрѣла, глядючи на Востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ, уговариваетъ недуги..... Взошла я раба такая-то въ семибашенный домъ, смирнымъ смирнехонько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась и заговорила: къ тебѣ я пришла красная дѣвица съ покорищемъ объ рабѣ такомъ-то: обери ты у него скорби, недуги, уроки, призорки, *затяни кровавыя раны чистою и вѣчною своею пеленою.....*» Въ другомъ заговорѣ отъ зубной боли заговаривающій проситъ: «заря зарница, красная дѣвица, полуношница..... *покрой* ты зарница *мои зубы скорбны своею фатою* отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы.»—Въ третьемъ заговорѣ ратный человѣкъ умоляетъ дѣвицу зазнобу молодецкую: *закрой ты дѣвица меня своей фатой:* отъ силы вражьей, отъ пищали, отъ стрѣлъ, отъ борца, отъ кулач-

Digitized by Google

наго борца, отъ ратоборца, отъ дерева русскаго и заморскаго.... отъ соломы, отъ желѣза, отъ уклада, отъ стали, отъ мѣди, красной, зеленой, проволоки, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей..... Твоя фата крѣпка, какъ камень горючь Алатырь.....» Cf. Сахаровъ: Сказанія рус. народа. Т. I, кн. 2, стр. 18, 22, 25.

(70) Ж. М. Н. Просв. 1846 № 7. въ статьѣ Срезневскаго «объ обожаніи солнца» собраны преданія о раѣ по понятіямъ Славянъ. Также Cf. Сахарова: Сказанія рус. народа. Том. I, часть 2, стр. 47. гдѣ приведена пѣсня солнцевыхъ дѣвъ. Cf. Вукъ Стефановичъ Караджичь: Српске пјесме I, 155, 158, 159, 161 (изданіе вѣнское).

(71) Костомаровъ: объ истор. значеніи русской народной поэзіи. стр. 28—89. Здѣсь изложена вся символика предметовъ природы, упоминаемыхъ въ народной поэзіи; большая часть ихъ служатъ символами женской жизни и женскаго сердца. Вотъ нѣсколько символовъ изъ народнаго травника. 1., Роза (по малор. рожа)—символъ красоты, ласки, веселости и здоровья; 2., рута и фіалка—символы дѣвственности и строгости нравовъ; 3., барвинокъ, зелененькій и хрещатый,—символъ торжественнаго, но короткаго состоянія жизни-заручения; 4., ромашка имѣетъ у Малороссовъ тоже значеніе, что у Великороссовъ приво-

Digitized by Google

ротной корень; 5., бурковина (melilothus offic.) символъ вѣрности; 6., василекъ — символъ святости и чистоты дѣвичьей. 7., сонъ-трава (anemone pulsatila) — символъ сновидѣній и откровенія будущаго, большею частію грустнаго, въ жизни женской. Замѣчательно по своему страстно-восточному характеру понятіе о любви, выраженное въ слѣдующемъ народномъ заговорѣ, который носитъ на себѣ, по своей, теперь утраченной обрядности, печать глубокой миѳической древности (Сахар. Сказ. рус. нар. I, 2, 28—29). «Исполнена есть земля дивности. Какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ есть бѣлъ горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски и бросьтесь тоски въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ. И во всѣ ея жилы: въ 70 жилъ, полужилъ и

Digitized by Google

поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, нигдѣ-бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженіемъ, съ плачемъ и рыданіемъ, зѣло спѣшно шла бы и бѣжала, и пробыть безъ него ни единыя минуты не могла. Думала-бъ объ немъ, не задумала, спала-бъ, не заспала, ѣла бы, не заѣла, пила-бъ, не запила, и не боялась бы ничего; чтобъ онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ и даже милѣе сну своего, по всякое время: на молоду, подъ полнъ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается, и укрѣпляется и замыкается. Аще ли кто отъ человѣкъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди яко червь въ свищѣ орѣховомъ. И ни чѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурею, ни водою дѣло сіе не отмыкается».

(72) Grimm: Deutsche Rechtsalth. s. 403, прим. 2.

(73) Michelet: Origines du droit français p. 5. ed. de Brux.

(74) Grimm: ibid. p. 457.

(75) Карамзинъ I, 57. пр. 140 изданіе Эйнерлинга.

(76) Gunnlaugsaga cap. 36.

Digitized by Google

(77) Cosmæ Prag. Chron. Boh. p. 21. см. ниже прим. 90.

(78) Уставъ о Цер. судахъ Ярослава: «аже дѣвка не всхощетъ замужъ, а отецъ и мать силою дадуть, а что сътворить надъ собою, отецъ и мати Епископу въ винѣ, а исторъ имъ платити, такоже и отрокъ». Тоже въ кормчихъ.

(79) Снѣгиревъ: Рус. праздники IV, 182.

(80) Несторъ Лавр. 4, 5.

(81) Русская правда, по списку Карамзинскому, изд. Калачева. § 103. «Оже смердъ оумреть безъ дѣти то задница князю; оже боудутъ оу него дщери дома, то даяти часть на ня; аже ли будутъ за мужьми, то не дати части. § 104. А иже бояринъ или же въ боярстѣй дроужинѣ; то за князя задница не идетъ, но оже не боудетъ сыновъ, а дщери възмоутъ. § 107. Аже боудетъ сестра въ домоу, то то и задници не имати, но отдадятъ ю братія за моужъ како си могутъ». У Чеховъ: въ законахъ князя Конрада бьернскаго (1050), подтвержденныхъ Пржемысломъ-Оттокаромъ (1222 и 1229 г.) и княземъ Ольдрихомъ бретиславскимъ сказано: si quis non habuerit filium vel filios et habuerit filias, ad illas deveniet hæreditas... (Boczek: Corpus dipl. Moraviæ II. 210). У Андрея Дубе: «если кто умретъ безъ сыновей, а будетъ у него родной братъ, то имѣніе умершаго идетъ сперва къ брату, если же брата не будетъ, то наслѣдуетъ дочь».

Digitized by Google

Говоря это, Дубе ссылается на старое право. Въ законахъ Владислава; дочери и сестры не-замужнія наслѣдуютъ отцу при не имѣніи сыновей и братьевъ (Rakowecky: Prawda ruska II 102; Губе: Исторія древняго наслѣдственнаго права у Славянъ, въ Стат. Сборникѣ стр. 76).—У Поляковъ также сестра при братьяхъ не наслѣдовала, но получала приданное. Въ этомъ согласны всѣ статуты польскіе. Cf. Jus Polonicum Bandtkie p. 105, 106, 152 (Statuta Casimirj III); 414 (Statuta Masoviæ). Въ случаѣ не имѣнія братьевъ право мало-польское отдаетъ наслѣдство не-замужнимъ дочерямъ, право велико-польское и мазовецкое, хотя и объявляетъ наслѣдницами дочерей, но къ владѣнію отчиною и дѣдиною ихъ не допускаетъ, а предоставляетъ это право ближайшимъ мужескимъ родственникамъ умершаго по крови, или по гербу (клейнотамъ) съ тѣмъ, чтобы они въ опредѣленный срокъ уплатили наслѣдницамъ стоимость имѣнія по оцѣнкѣ. Только движимое имѣніе переходитъ въ полную собственность дочери. Мацѣевскій видитъ гораздо болѣе славянизма въ опредѣленіи права мало-польскаго. Cf. Pierwotne dzieje Polski i Litwy, Warsz. 1846 стр. 314 sqq. Cf. также выше-приведенную статью Губе стр. 77 sqq. Впрочемъ вопросъ о наслѣдствѣ дочерей по древне-польскому праву до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно:

Digitized by Google

Лелевель, Чацкій, Бандтке, Рэппель, каждый предлагаетъ свою систему; всѣ онѣ разобраны въ выше-приведенномъ сочиненіи Мацѣевскаго и въ его Исторіи славянскихъ законодательствъ, во второмъ томѣ. У Сербовъ, по закону винодольскому (§ 15) и законнику Душана (§ 31. у Кухарского стр. 104), дочь при сыновьяхъ не наслѣдовала, а только при недостаткѣ сыновей.

(82) Drezneri: Institut. juris R. Poloniæ libri IV. Zamoscii 1613 p. 130.

(83) Cosmæ Prag: Chr. Boh. стр. 12—19.

(84) Ibid. стр. 20.

(85) Vincenty Kadlubek: Chron. Polon.—выписки у Мацѣевскаго въ Pierwotne dzieje Polski i Litwy p. 561. Cf. Boguph: Chr. Pol. выписки тамъ же стр. 565—568.

(86) Бандтке: Исторія государства польскаго, пер. съ Польск. I, стр. 53 и 54. Тутъ приведено цѣлое преданіе.

(87) Helmoldus: conveniuntque viri et mulieres cum parvulis, mactantque diis suis hostias de bobus et ovibus, plerique etiam de hominibus christianis, quorum sanguine deos suos oblectari jactitant. L. I. c. 2. Тоже у Длугоша I. 37.

(88) Сахаровъ: Сказанія русск. народа, Том. I. кн. IV. стр. 28.

(89) Древнія рус. стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, издан. Калайдовича, стр. 94—96. Съ такимъ же характеромъ является

Digitized by Google

дѣвушка въ слѣдующей обрядной пѣснѣ:

Ахъ! по травкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодецъ удалой.
Ой, Туръ, молодецъ удалой!
Онъ изъ города большова
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ поборотися.
Ой, Дидъ, Ладо, поборотися!
Вышла красна дѣвица
И молодца поборола,
На муравку уронила.
Ой, Дидъ, Ладо, уронила!
Добрый молодецъ вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы;
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ людямъ объявить.
Ой, Туръ, Дидъ, Ладо, объявить!

(Сахарова: Сказан. русск. народа. I. кн. 3. стр. 261).

(90) Cosmæ Prag. Chron. Bohem. p. 21: ea tempestate virgines hujus terræ sine jugo pubescentes, veluti amasones militaria arma affectantes et sibi ductrices facientes, pari modo uti tyrones militabant, venationibus per sylvas viriliter insistebant; non eas viri, sed ipsæmet sibi viros, quos et quando voluerunt, accipiebant et, sicut gens Scythica, vir et foemina in habitu nullum discrimen habebant.

Digitized by Google

(91) Cosmæ Prag. Chron. Bohem. p. 21, 22; въ текстѣ подстрочный переводъ.—Сравните Геродота кн. IV, гл. 11—17. и Adami Brem. de situ Daniæ p. 15. Ed. Elsevirana.

(92) Niebelungenlied: v. 1317—24, 1810—12, 1858.

(93) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа. Томъ I. кн. 3. стр. 145.

(94) Бытъ Рус. народа. II, 340.

(95) Сахаровъ: Сказ. рус. народа. Томъ I. кн. 3. стр. 154.

(96) Бытъ русск. народа II, 341.

(97) Свадьбу называютъ весельемъ, а между тѣмъ запорученье сопровождается такими же оплакиваніями и причитываніями, какъ и погребеніе: плачетъ мать, плачетъ невѣста, въ утѣшеніи подругъ слышны также грусть и слезы.—Правда на свадьбахъ пляшутъ и особенно пьютъ; но вѣдь и на поминкахъ дѣлаютъ тоже: и на жальникахъ, по словамъ Стоглава, происходили скаканія, плясанія и въ долони біенія.—Вообще въ этой радости и попойкѣ такъ и слышатся слова народной пѣсни:

Да спасибо же тебѣ синему кувшину
Что размыкалъ, разогналъ злу тоску—
кручину!—

(98) Эверсъ: Древнѣйшее право Руссовъ. пер. Платонова. 79—86.—Шлецеръ: Несторъ, пер. Языкова. III, 477.—Акты Археограф. Экспедиціи I, 11, 77, 90, 93, 101, 105, 115, 117,

Digitized by Google

122, 133, 153, 157 и въ многихъ другихъ мѣстахъ упоминается о выводной, свадебной, новоженной куницѣ.—Снѣгиревъ: Рус. прост. праздники. I, 116, 207, 208. IV, 124 sq. 154.— Въ свадебныхъ пѣсняхъ есть слѣды той же подати подъ названіемъ *куницы:*

А попу то куницу, куницу,
А попадьѣ-то лисицу, лисицу.

Въ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ (Сахаровъ: Сказ. рус. нар. Томъ I. кн. 4 стр. 18) мужики новгородскіе просятъ Амелеу Тимофеевну унять своего сына, обѣщая ей за это:

На всякой годъ будемъ тебѣ носить
. . . . . .
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалешное.

(99) Mauritii Strategic. II. c. 5: pudicitiæ servantes eorum fœminæ supra omnem modum erga maritos suos, adeo ut earum multæ virorum suorum mortem proprio interitu solari voluerint seque ipsas suffocarint ultro ne ferentes vitam solitariam.

(100) I. Dobrowsky: Ueber die Slaven und ihre Sitten. 159. Въ письмѣ Бонифація къ королю Этельбальду (745 г.): mulier viro proprio mortuo vivere recusat et laudabilis mulier inter illos esse judicatur, quæ proprio manu mortem sibi intulit, ut in una strue ardeat cum viro suo.

(101) Ditmar. Mers. p. 248 (ed. Weimari): unaquæquæ mulier post viri exequias sui igne cremata decollata subsequitur.

Digitized by Google

(102) Frœhn: Ibn-Fozlan's u. s. w. 11—12.

(103) Michelet: Origines du droit français I. p. 32. Ampère: Litterature du Nord.

(104) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer. s. 451.

(105) Договоръ Олега (у Эверса стр. 159): аще убѣжитъ створивый убійство, да аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону, да возьметь ближній убіеннаго, а и жена убившего да иметъ толикѣмъ же пребудетъ по закону.

(106) См. выше прим. 87.

(107) Memoriæ populor. II, 72. Карамз. I. пр. 138.

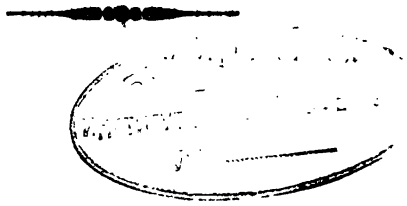
(108) Древности, изданныя Кіевскою временною Коммисіею. Кіевъ. 1846.—стр. 3, 4.

(109) Древн. рус. стих., изданіе Калайдовича. стр. 98—100.

(110) Ibid. стр. 127 sq.

(111) Сахарова: Сказ. рус. народа Том. I. кн. 4; былины о Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ (послѣдній называетъ Апраксѣевну сукою—волочайкою).—Древ. рус. стихотв. издан. Калайдовича; былины: о гостѣ Терентьищѣ (стр. 13), о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ (стр. 215) и Сорокъ каликъ со каликою (стр. 226).

(112) Сахарова: Сказ. рус. народ. Том. I. кн. 4; былина о В. Буслаевѣ.



Digitized by Google

Digitized by Google

☞ *Все сочиненіе уже приготовлено къ печати, но, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, будетъ выходить въ свѣтъ выпусками.*

GENERAL BOOKBINDING CO.
QUALITY CONTROL MARK
P 7704

Digitized by Google

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

Digitized by Google

Digitized by Google